

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a light blue off-the-shoulder dress with a floral pattern. The man has dark, wavy hair and is wearing a dark blue suit jacket over a white shirt. They are standing in a garden with pink cherry blossoms. A bright sun flare is visible in the upper left. The bottom of the image is decorated with a dark, starry pattern.

Екатерина Дубровина

Бывшая любовь

18+

Екатерина Дубровина

БЫВШАЯ ЛЮБОВЬ

<https://litres.ru/74101948>

SelfPub; 2025

Аннотация

Даже уйдя от мужа, я знала, что от себя не уйти. И продолжая любить, ночами умирала в воображаемых объятиях, а днем, встречаясь с ним на работе, блуждала в лабиринте мыслей. Нет, так дальше не пойдет. Я должна отпустить. Я должна сохранить хоть каплю уважения к самой себе. Только вот смогу ли?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	54
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	74
Глава 13	80
Глава 14	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Екатерина Дубровина

Бывшая любовь

Пролог

– Дура! – орал на меня Денис. – Ты последние мозги на этих своих тренингах растеряла уже? – Его лицо исказилось злостью, дав огрубеть правильным чертам. Глаза превратились в две хищные щелки, а рот словно замер в оскале. И да, я совру, если скажу, что мне не было страшно. Было, но я не могла сдаться так просто. Не сейчас.

– Прошу еще раз, – спокойно продолжила я. – Подпиши согласие. Я не увезу Мишу надолго, обещаю.

При упоминании имени сына Денис запустил руку в волосы и взлохматил их. И я его прекрасно понимала. Единственный ребенок и единственный, кто мог удержать нас двоих в одной комнате в более или менее спокойном состоянии.

– А чем тебе Черное море не угодило? – устало свалившись в кресло, Денис закрыл глаза. Неожиданно он дал мне понять, что не намерен спорить. Ему просто нужно время.

– Ну так сезон же почти закончился. А я поплавать хотела.

– Поплавать она хотела... – тихо повторил он. – А то, что Миша пропустит школу?

– У нас дистант. Возьмем учебники с собой.

– А друзья?

– Скайп.

– Работа?

– Удаленка.

Денис шумно выдохнул. И еле слышно произнес:

– Ну не могу я вас отпустить.

Я удивленно вскинула одну бровь и села за стол.

– Почему?

Он ответил не сразу. Резко поднялся, подошел к окну, за-
сунув руки в карманы брюк, и небрежно, словно это ничего
не значило, бросил:

– Если что-то случится, меня не будет рядом.

Я не смогла подавить смех и расхохоталась. От души и во
весь голос.

– Что-то случится? А ничего, что уже все, что могло –
случилось?

Он подошел ближе, уперся руками в стол и наклонился
так, что наши лица оказались совсем близко. Его горячее
прерывистое дыхание обжигало мои губы, пылающие глаза
истязали сердце, а исходящий от него запах, такой родной,
такой любимый, затуманивал взгляд.

– Я уже миллион раз пожалел, что так вышло.

Это его очарование. Оно обволакивало меня. Манило.
Терзало. Я падала в бездну. Так! Стоп! Зачем я здесь?

– Хватит, – отодвигая стул, я встала, чувствуя, что вишу

на волоске. – Что было, то прошло. Подпиши бумагу, – я положила на нужный лист ручку. – Я зайду позже.

И стремительно выскочила вон. Мое бегство – моя защита. А хлопая за собой дверью и еле сдерживая всхлип, я поняла, что очень хочу ему верить. Ему. Мужу. Пускай теперь и бывшему.

Глава 1

Конечно, он мне ничего не подписал. Хотя я надеялась на его благоразумие. Зачем сидеть в промозглом городе, когда можно нежиться на солнце и есть фрукты? Да, я давно хотела слетать в Таиланд, тем более моя подруга, Настена, сотрудник турфирмы. Она уверяла, что сезон дождей совсем не то, чего бы стоило опасаться, и так расписала все прелести возможного отпуска, что у меня реально текли слюни. Никогда еще я не была настолько близка к сказке.

С завтрашнего дня наш отдел переводили на удаленную работу, а Миша, мой сын, уже почти месяц маялся дома, глядя на экран монитора. Зная его рвение к учебе, я могла с уверенностью признать, что на отдыхе он будет заниматься ровно так же, как и сейчас. Разве, что плейстешна там не будет.

А самое забавное, что Денис даже не соизволил объяснить причину, отправив ко мне Марину, свою секретаршу. Она аккуратно положила передо мной бланк и пожалала плечами.

– Просил передать.

– А что сам не подошел? – зачем-то уточнила я. Ведь зная Марину, я понимала, что без подробностей она не уйдет.

Она резво пододвинула соседский стул, будто ждала от меня этого вопроса, и плюхнулась рядом, закинув ногу на ногу.

– Сказал, что дико занят. – А приблизившись, прошептала. – Но у него на этот вечер никаких встреч, да и с отчетами всеми мы уже справились. Заперся в кабинете и не выходит. – Она нервно рассмеялась и поправила часы, что блестели на ее руке. Подарок Дениса.

Я раздраженно кашлянула и, схватила бланк, поднялась.

– Стой, он просил не беспокоить. – Марина подскочила со мной и чуть не свалилась, ухватившись за край стола. Еще бы, каблуки высоты Эйфелевой башни вряд ли можно назвать удобными.

Я закусила губу. Настена скинула мне сегодня заманчивый тур с вылетом через две недели. Времени на раздумья у меня просто не было.

– Ну, значит, отвлечется.

Оставив за спиной щебетания Марины и топот ее «копыт», я уверенно двинулась в конец коридора.

Да, в период пандемии искать новую работу было глупо, и все же я бы с удовольствием покинула этот гадюшник, где главным серпентологом служил мой бывший муж, Денис Соболев. Я задыхалась здесь, повсюду натываясь на мастерски расставленные им ловушки. Та же Марина... У них ведь ничего не было? Но почему мне видится обратное?

Логичнее было уйти в никуда, лишь бы не здесь, но алименты, на которые мы договорились в суде, едва покрывали съем маленькой квартиры. Конечно, попроси я больше денег, Денис бы не противился, тем более Мише он не жалел

ничего.

Но брать у него деньги... Это казалось грязнее, чем делить с ним постель.

Без стука распахнув дверь, я остановилась на пороге. На столе у Дениса сидела новенькая практикантка, имени которой я даже не запомнила. Одной рукой она тянула Дениса за галстук, другой гладила его по щеке, а ее юбка, намеренно или нет, задралась выше дозволенного, оголяя невероятно длинные и стройные ноги. Он же сидел с закрытыми глазами и разве что не мурлыкал, как мартовский кот. Тьфу. Как противно. Хорошо, что мое внезапное вторжение умерило их пыл. Девушка спрыгнула со стола и, поправив юбку, пролетела мимо меня в коридор. Денис, откинувшись на спинку стула, раздосадовано проводил ускользающую возможность развлечься и переключил на меня свой еще не сфокусировавшийся взгляд.

– Привет, – невинно произнес он, источая искреннее удивление от моего присутствия.

– Почему ты не подписал? – Я продолжала стоять в проеме. Не знаю почему. Может, дистанция была необходима мне. А может, я вспомнила о заповеди «не убий». Из задумчивости меня вывели извиняющиеся нотки Марининой болтовни, доносившиеся сзади, и я просто захлопнула дверь пе-

ред ее носом.

– Я же тебе все сказал утром. Не буду ничего подписывать.

– Ты лишаешь сына возможности...

– Или спасаю от твоих ограничений.

Я сделала шаг вперед, подозрительно сощутив глаза.

– Тебе нравится власть?

Легкая улыбка на мгновение коснулась его губ, тут же обратившись тенью.

– Вовсе нет.

Мой едкий смешок, который я не успела или не хотела остановить, добавил иронии во все происходящее. Я сделала еще один шаг.

– Прекрати. – Его серьезный тон заставил меня остановиться. А что, впрочем, я такого сделала?

– Когда ты так на меня смотришь, я готов подписать все что угодно.

– Ну так подпиши, и я уйду.

Денис покачал головой.

– Неужели ты думаешь, что я смогу спокойно спать, когда вы за полмира от меня?

– Я думаю, найдутся те, кто споет тебе колыбельную. – Я дошла до стола и уже второй раз за день положила бланк согласия на вывоз ребенка за рубеж.

Денис даже не взглянул на бумагу, лишь сморщил лоб, будто подавился кислым лимоном.

– А ты никогда не задумывалась, почему я при разводе составил то заявление? Как оно называлось? О несогласии на выезд ребенка из Российской Федерации? Тогда, кажется, ты была не против. Лишь бы быстрее убраться из моей квартиры и из моей жизни...

Я хлопнула в ладоши.

– Да, сейчас самое время поговорить об этом. Ты всегда был любителем пофилософствовать.

– Нет-нет, – он поднялся. – Я о другом. Ты же знаешь, как я люблю Мишу.

– Так и я его люблю! – не выдержала я.

Он шумно выдохнул:

– Я знаю. Прости. Но я не готов...

Гнев, закипавший внутри, твердил мне одно: «бей, круши, рви, но свое возьми», а слабый разум просил еще раз подумать.

– Смотри, – я снизила обороты, пытаюсь мыслить рационально, – эту бумагу нужно заверять у нотариуса. Я ее оставлю тебе для ознакомления. У меня есть всего пара дней, чтобы оплатить путевку и утрясти все нюансы с выездом. Я очень тебя прошу, – коснувшись его плеча, я пыталась поймать взгляд, что он старательно отводил, – сделай все, как надо. Хоть раз в жизни.

И не оборачиваясь вышла, ударив дверью Марину, кото-

рая даже не скрывала, что подслушивает наш разговор. Плевать. Здесь все давно уже знают, какого цвета мои трусы. А тут такая мелочь.

Господи, ну зачем я произнесла ту последнюю фразу? Я вовсе не считаю, что он мало делал для Миши. Или для меня. Мне не на что жаловаться. Разве только на разбитое сердце... Но это же были мои ожидания...

Глава 2

Натянув, как я считала, искреннюю улыбку, я повернула ключ в замке и открыла дверь. Миша уже стоял в коридоре, будто знал, что я вот-вот приду. Проворный, блин. Даю руку на отсечение, что он выключил телевизор секунду назад.

– Привет, мам, как дела? Знаешь, что только что было? Я занял первое место, представляешь? В гонке поколений! – Торжествующий жест и сияющее лицо.

Ну, точно, я не ошиблась. Мда, кажется, я должна его похвалить. Знать бы за что...

– Привет. Ты что-нибудь ел?

Скривившись оттого, что я не поделила его радости, Миша махнул рукой в сторону кухни и бросил:

– Проверь. Супа больше не осталось.

Я удовлетворенно кивнула и продолжила расправляться с сапогами, после чего сын подошел ближе и помог снять пальто.

– Что, плохой день?

Я усмехнулась. Смышленный растет у меня сынок.

– Ага.

– Он не подписал?

Чересчур смышленный. Я думала моей наигранной улыбки будет достаточно. Но, видимо, обдурить я могу только себя.

Пройдя на кухню, я устало рухнула на стул.

– Не-а. Хочу чаю. Нальешь?

Миша бросился к чайнику, наполнил его водой из фильтра и щелкнул кнопку.

– Мам, я макарон и сосисок сварил. Погрею?

– Нет, спасибо.

Вообще-то, я хотела есть, а заманчивый запах сосисок учуяла еще с лестничной клетки. Но вспоминая стройные и длинные ноги той стажерки, я давилась слюной, но решимости не убавила.

– Только чаю. Пить хочу.

Чайник с нарастающим бульканьем наконец выключился, и Миша достал нам два бокала. Закинул в них пакетики и залил кипятком. Я молча наблюдала за его слаженными действиями и в сотый раз удивлялась, когда он успел так вырасти. Мише недавно исполнилось тринадцать, и он медленно, но верно превращался из забавного пухлощекого ребенка в нескладного тощего подростка. Мне даже кажется, над верхней губой наружу пробирались небольшие смешные усики. И как бы сейчас я была рада, будь рядом Денис. Не я должна объяснять сыну, как нужно бриться, не я рассказывать, почему его влечет к девочкам, и почему чистить историю в браузере стоит постоянно.

Денис был хорошим отцом. Правда. Они часто проводили вместе время, играли в футбол, гоняли на велосипедах и

кошек в соседнем дворе. Денис брал Мишу с собой на рыбалку, учил водить машину и дарить девочкам цветы. А еще объяснял устройство этого мира. Показывал силу, когда было нужно, и слабость, доказывая, что мужчина тоже имеет право на выражение эмоций.

Хотя почему был. Он есть. Просто теперь не рядом. Может, поэтому я и хотела увести сына. Чтобы доказать себе, что я могу справиться сама. Одна. Ведь Мише не нужен полотец. А мне полумуж. Точнее, уже совсем не муж. Никак не могу привыкнуть к зияющей дыре вместо сердца. Эх.

Миша залез в шкаф и отрыл где-то полпачки шоколадных конфет. Я, с грустью глядя на них, все же не смогла стерпеть и вытащила себе парочку. Хрен с ними, с этими килограммами, я уже пожертвовала сосисками, не могу же я жертвовать всем.

– Так мы поедem в Таиланд?

Такой простой и такой легкий вопрос сына отвлек меня от тщательного разглаживания фантика и ввел в ступор. Да, я знаю, я глупая мама, что поделилась с сыном своими хотелками раньше времени. Но я никогда не называлась великим хранителем тайн. Тем более хороших таких, приятных тайн. Хотя последние полгода моей жизни должны были кое-чему меня научить. И все же я никогда не врала сыну и не хочу начинать.

– Не знаю, – я вздохнула. – Твой папа не подписал бумагу. И, скорее всего, не подпишет. – И осторожно подбирая

слова, продолжала: – Он предложил поехать на Черное море. Ты как?

Миша на мгновение задумался, возродив во мне еще одно хорошее воспоминание. Когда он так морщил лоб, то становился похожим на мужа еще сильнее.

– Да пофиг, гоу уже куда-нибудь, – выдал он, удивляя меня.

– То есть? На нашем юге прохладно. Будем ходить в куртках, плавать только в бассейне...

– А работать ты вообще планируешь? Тебя ж не в отпуск отправили.

И его открытый и заразительный смех наполнил кухню, заставив меня улыбнуться. А ведь он прав. С работы меня пока не уволили, но если я буду филонить, то точно уберут. Хотя у меня есть одно преимущество. Я бывшая жена заместителя директора. Может, это их остановит?

Миша встал, собрал со стола фантики и выкинул их в ведро, а кружки сразу сполоснул и убрал в сушилку. Я поднялась, на цыпочках прошла до сына и прижалась к его спине, пусть и не такой широкой как у отца. Он был со мной уже одного роста, и максимум, что я могла себе позволить – легкий поцелуй в висок. Ах, как же я любила его макушку. Но увы, до нее мне было не достать. И ладно, если бы я была маленького роста. Нет-нет. Просто он уже догнал мои 168 см и не собирался на этом останавливаться.

– Спать? – неловко выпутываясь из цепких объятий, спро-

сил сын.

Почувствовав пустоту внутри и прохладу там, где секунду назад был Миша, я обняла себя за плечи и коротко кивнула. Часы показывали всего 21-20. Смешное время для сна, но только так можно было усмирить мой желудок.

Почистив зубы, я переоделась в тонкую сорочку и с ужасом отметила, что ткань чрезмерно просвечивает. Негоже матери ходить в таком виде перед сыном. Решено, завтра пойду за новой домашней одеждой. Погасив свет, я скорее нырнула под одеяло. Хорошо, что Миша не заметил моего позора. Он отвернулся к стенке и усиленно делал спящий вид, громко похрапывая. Но я-то знала, что во сне сын не храпит. Уж сколько ночей я провела на этой продавленной софе, томясь в волнительных воспоминаниях и теша себя иллюзией, что все возможно исправить.

К сожалению, не все.

Глава 3

Денис стянул резинку с моих волос и жадно вдохнул запах.

– Обожаю твой шампунь. – Зарываясь в волосах одной рукой, другой он искал молнию на платье, а найдя, попытался ее расстегнуть, с придыханием шепча на ухо: – обожаю тебя.

Я сидела на столе в его кабинете в ультракоротком платье, подол которого умудрился задраться так высоко, что мне должно было быть стыдно. Но стыдно не было. Прикрыв глаза, я молча отдавалась прикосновениям. Его горячим, сильным, огромным ладоням, блуждающим по моему телу. Тяжелым вдохам, что всегда вызывали во мне трепет. Молчаливому желанию, витавшему во вдруг ставшей душной комнате. Боже, я веду себя как школьница, разве можно так хотеть мужа, с которым живу уже почти четырнадцать лет?

Помучившись с молнией, Денис не выдержал и двумя руками дернул за нее, издав победный рык, когда ткань хрустнула. Я же взвизгнула, почувствовав кожей жар, исходящий от его проворных пальцев. Поставив меня на ноги и освободив от одежды, Денис отошел назад и склонил голову набок, разглядывая мое тело. Мне бы смутиться и прикрыть себя руками, все же годы и роды не делали меня краше, но его глаза не давали мне повода. Их застилала животная похоть,

и я нервно облизала губы, ожидая, что же последует дальше.

– Ты прекрасна, – нарочито громко произнес он, не оставляя мне даже шанса усомниться в его словах.

Махом преодолев расстояние между нами, его требовательные губы нашли мои, и мы слились в поцелуе, от которого защемило сердце и стало нечем дышать. «Ты нужен мне как воздух,» – пронеслось в моей обезумевшей от страсти голове.

Руками я порывисто стягивала с него пиджак, после пыталась растегнуть негнувшимися пальцами пуговицы рубашки, а когда и она полетела на пол, Денис сам занялся ремнем на брюках. Оторвавшись на мгновение от моих губ, он позволил сделать мне глубокий вдох, прежде чем...

Я резко открыла глаза. Темнота вокруг обволакивала, и мне вдруг стало так холодно, что я потянулась за одеялом. Боже. Опять. Снова я вижу его во сне. И снова готова отдаться, несмотря на то, чем закончились наши отношения. Какая же я дура. Не зря он меня так называет. Медленная слеза отчаяния потекла по щеке и, смахнув ее, привычными к полумраку глазами я заметила, что Миши в кровати нет. Приподнявшись на локте и сбросив остатки дремоты, я скинула одеяло и села. В коридоре неярко мерцал свет, и я с облегчением выдохнула. Он дома. Почему-то последнее время я все чаще ловила себя на мысли, что Миша может сбежать к отцу, оставив меня наедине со своими кошмарами.

И все же... Он дома. На цыпочках пройдя в кухню, я замерла в проеме. Миша сидел в наушниках за ноутбуком, не отрывая взгляда от монитора. Он даже не обратил внимание на мое появление. Мне хотелось кашлянуть и помахать ему, чтобы отвлечь. Но что-то меня остановило. Слишком его заинтересованный вид? Нет, я не буду смотреть в экран. У него должны быть секреты от мамы. Для чего же еще он мог встать ночью, чтобы я не видела?

Часы на микроволновке показывали половину третьего. Я прошла к шкафам, достала себе чашку и налила воды. Наконец, сын заметил меня. Он резко стянул наушники и опустил крышку ноутбука, из-за чего кухня погрузилась во тьму.

– Мам? Ты чего не спишь? – подал излишне встревоженный голос Миша.

Я сделала пару глотков.

– А ты? – спросила я слегка рассеянно.

– Да вот, не спалось. Но уже все.

– Тогда пошли, – я ополоснула чашку и засунула ее обратно в шкаф.

– Сейчас, я только выключу... – он открыл ноут и защелкал мышкой. «Нет, я не буду смотреть, я взрослая и понимающая мать,» – цеплялась я за спасательный круг прочитанных когда-то книжек по воспитанию детей.

Я подождала, пока Миша доделает что хотел, и мы вернулись в комнату, которая одновременно служила нам и гостиной, и спальней, и кабинетом.

Накинув на себя одеяло, я еще долго провалялась, тупо глядя в потолок. Миша засопел быстро, и теперь я, правда, верила, что он спит. Мой такой маленький, но уже такой взрослый сын. И лишь когда забрезжил рассвет, мои веки опустились, дав хоть небольшое облегчение мозгу. Снов в ту ночь я уже не видела.

Будильник прозвенел в семь. Поворочавшись минут пятнадцать, я нехотя признала тот факт, что сегодня суббота и можно было бы так рано не вставать. Но никто не отменял пробежку. Да, с сегодняшнего дня я начну бегать. Каждое утро. Ровно в семь. Перед завтраком. Пора завязывать с лишними килограммами и плохим настроением. «Ты прекрасна,» – пронеслись в голове слова Дениса из сна. Ага, конечно.

Приняв душ, я налила себе в чашку воды и, борясь с соблазном залезть в историю браузера, не смогла удержаться.

– Ух ты, – вырвалось у меня из груди, когда я поняла, что именно смотрел мой сын в третьем часу ночи. Не раздумывая, я нажала на кнопку «очистить историю», опустила крышку ноутбука и тихо, стараясь не разбудить Мишу, выскочила на улицу. Кажется, мне просто необходим сейчас свежий воздух. И Денис.

Глава 4

Гудки в трубке продолжались и продолжались, соединившись в монотонный непрекращающийся звук. Я раздосадованно сбросила, когда автоответчик предложил оставить сообщение. «Вот еще,» – язвительно фыркнула я.

И набрала снова.

– Алло, – заспанный голос на той стороне света отнюдь меня не беспокоил. – Кто это?

– Это я, – шуршание в трубке означало только одно. Меня не узнали.

– Совсем офигела? Ты видела сколько времени? Я вообще еще сплю! – и чуть тише, почти шепотом: – и не одна в отличие от...

– Да, поняла я, поняла, – рассмеявшись, закончила я. – Перезвони, как проснешься.

Настена, как я ласково звала подругу, отвечала на вызов всегда. И еще давала мудрые советы, когда я просила. Ну и когда не просила тоже давала. Но я не обижалась на нее. Она каким-то своим внутренним чутьем всегда оказывалась права. И сейчас я не просто хотела, я нуждалась в ее помощи.

Выдохнув, словно собиралась бежать марш-бросок в де-

сять километров, я достала из кармана коробочку со свернутыми наушниками, размотала их и воткнула в разъем телефона. Загруженный и затертый до дыр плейлист меня вполне устраивал и, выбрав *Simphony 2011* Криса Паркера, я рванула вперед. Стремительно, почти не касаясь подошвой асфальта, и тяжело дыша, я старалась смотреть куда угодно, только бы не видеть обращенные на меня осуждающие взгляды прохожих. Конечно, не каждый день лицезрешь такую красотку в поношенных трениках.

Что ж. Выдохлась я быстро. Даже песня закончиться не успела. Я остановилась и зацепившись за ближайшее дерево, ртом жадно хватая воздух. Но и это не было спасением. Дыхалку забило так, что легкие полыхали огнем. И каждый вдох был словно последний. Икры свело, а голова кружилась. Так как же бегают все эти люди в красивых обтягивающих трико? Я не понимала.

Мимо как раз пронесся какой-то парень. Так легко и непринужденно, словно парил над землей. Я вымученно проводила взглядом крепкую округлую задницу. «Ну нет. Так просто не сдамся,» – подбодрила себя я, и, оттолкнувшись от дерева, сделала первый шаг. Он на удивление дался проще, чем предыдущий. В наушниках как раз заиграла следующая композиция "*Welcome to Mars*", напоминающая мне о фильме «Марсианин», и улыбаясь своим мыслям о главном герое я свернула с проспекта.

Дослушать эту песню я не успела. Следующая моя остановка пришлась к углу соседнего дома. Только теперь к ногам и груди присоединился бок, который резало словно ножом. Нет, такими темпами я вряд ли полюблю бегать. А ведь каждое утро собиралась. Господи, сколько я там бегала? Пять минут всего? Да как же так? Внезапно в мое расстроенное сознание кто-то вторгся. Обернувшись, я заметила того, кого спереди я бы парнем не назвала. Рядом со мной стоял мужчина средних лет. Высокий и широкоплечий, умудрившийся закрыть мне солнце. Но он не смеялся надо мной, как сначала показалось, хотя его искрящиеся темные глаза, а главное – морщинки, обрамлявшие их, явно намекали, что ему весело. Он что-то произнес, но я не поняла что. Точно! Наушники. Выдернув их из ушей, я выразила недоумение:

– Что-то не так?

Он подошел ближе.

– Я просто спросил, какой день вы сегодня бегаете?

Понятно. Сейчас советы начнет давать.

– Первый, – без зазрения совести ответила я.

– Вы молодец. Удачи! – Он махнул рукой, улыбнулся на прощание и снова побежал.

В еще большем недоумении я крикнула ему вдогонку:

– Погодите!

Он остановился и обернулся. А я совершенно сбита с толку, бросилась к нему.

– Может, подскажите, что я делаю не так?

Он пожал плечами.

– Давайте со мной, – и он кивнул в сторону моей последней остановки.

– В смысле бежать? Вместе?

– Угу, – подтвердил он догадку.

Странно, почему-то в этом предложении я не увидела ничего зазорного. Развернувшись, согнула руки в локтях и приготовилась к... К чему я могла подготовиться?

Вот теперь он рассмеялся. Но его хриплый и гулкий смех меня не обидел. Хотя смейся так надо мной Денис, я бы давно отвесила ему оплеуху. Но сейчас я хохотала вместе с малознакомым мужчиной.

– Вы слишком напряжены, – принялся объяснять он. – Бегать нужно для души, а не для того, чтобы просто бегать. И темп пониже берите, иначе перегореть можно быстро.

Он начал движение, а я старательно вторила за ним. Медленнее, чем, когда я пыталась угнаться за ударными из песни, но однозначно комфортнее и проще дышать. И правда, такой ритм мне нравится больше.

Пару-тройку минут мы молчали. Просто находились рядом. Я могла коснуться его руки, если бы захотела, или остановиться, и он бы тоже остановился, или мельком наблюдать за ним. Но я не делала ничего из этого, освободив мозг и наслаждаясь ветром, что свистел в ушах.

– Дмитрий, – первым нарушил молчание мой спутник, ко-

гда мы огибали последние дома на нашей улице.

Я не сразу поняла, что он знакомился. Мне было так удобно просто находиться рядом в тишине, что я и не думала ее нарушать.

– Карина, – представилась я, и мигом на меня налетел автомобильный гул, окружавший нас все это время.

– Приятно познакомиться, – Дима остановился и протянул мне руку.

Я тоже остановилась и с удивлением уставилась на привычный мужской жест. Разве девочкам так делают? Как я должна ответить? Пожалть? Я попробовала изобразить то, что ждал от меня новый знакомый, борясь с неловкостью момента.

– И мне тоже.

– Вы будете бегать каждый день? Или через?

Я вообще не знала, буду ли еще позориться. Но глядя в его карие глаза (да, теперь, когда солнце освещало их, я точно увидела оттенок), я просто не могла ответить иначе.

– Каждый.

– Тогда завтра в семь?

– Тогда завтра в семь.

Он бросил на меня прощальный взгляд, улыбка едва коснулась его губ, и вот он уже стоит на светофоре и ждет зеленый, чтобы перейти дорогу.

А задница и правда ничего.

Боже мой! Если бы я могла, то дала бы сама себе сейчас

оплеуху.

Развернувшись, я бросилась к дому. Остаток пути я преодолела без музыки и постороннего шума. Мозг был пуст.

На подходе к подъезду раздался звонок. Настена, видимо, проснулась. Я вытащила телефон из кармана и замерла в нерешительности. На экране высветилось другое имя.

– Привет, – бодрый голос Дениса отрезвлял еще лучше, чем кофе, – не разбудил?

– Нет, – беззаботно пролепетала я, будто мгновение назад не раздумывала: брать трубку или нет. – Я уже час как бегаю.

– Ты стала бегать? – в его вопросе не было ни капли насмешки.

И я вдруг вспомнила, сколько раз он предлагал мне до работы пробежаться. И сколько отмазок я придумала, чтобы поваляться в постели подольше.

– Да, решила начать с бега. Как карантин снимут, запишусь на фитнес.

Он молчал.

– Ты что-то хотел? – не выдержала я.

– Да, нам надо встретиться.

Глава 5

Поднявшись на пятый этаж по лестнице (а как иначе, я же теперь на спорте), я еще с порога почувствовала запах яичницы. С надеждой потягивая воздух, я открыла дверь и широко улыбнулась. Да, однозначно пахло из моей квартиры.

Миша выглянул с кухни.

– Набегалась? Ты долго. Я тебя еще полчаса назад ждал.

Я хмыкнула.

– Совсем не веришь в мать, да? А что там так вкусно пахнет?

Миша по-хозяйски накрывал на стол.

– Руки мой. Я уже накладываю.

Упрашивать меня дважды не пришлось. Я жадно уплетала приготовленный сыном завтрак и думала над словами мужа. «Нам надо встретиться.» Он не сказал, подписал ли бумагу, или, наоборот, не стал. Вообще ничего не сказал, кроме того, что хочет увидеть меня и сына. И это пугало.

Миша верещал не переставая. Его радостные возгласы сменялись грозными выкриками, но я почти не слушала. Он всегда так эмоционально выражался, когда кто-то имел неосторожность подбить его автомобиль в гонке. Об учебе он обычно говорил сдержаннее.

– Папа зовет нас в гости, – прервала я его тираду.

Миша мгновенно замолчал, гневно глядя на меня. То ли из-за того, что я так мало внимания уделяю его игрушкам, то ли, новость об отце его совсем не обрадовала.

– Ты как? Хочешь? – я вложила в эти вопросы всю надежду, что у меня была. Хотя сама не понимала, чего больше жду. Его согласия или отказа.

– Мне пофиг. Вы уже достали меня своими проблемами. – Миша поднялся, собрал грязные тарелки и бросил их в мойку. Стук бьющейся керамики о металлическое дно я расценила однозначно.

Сын вышел с кухни, ударив еще и по двери, отчего та жалобно скрипнула. Нет, так дело не пойдет.

Я поднялась и пошла за ним.

– Он твой отец, и ничего это не изменит.

– Бла-бла-бла, – Миша закрыл уши руками.

– Ты ведешь себя как ребенок! – я повышала голос, зная, что это не поможет.

– Так я и есть ребенок. А вы, – он ткнул пальцем мне в грудь, – вы взрослые. Так и ведите себя как взрослые!

Я обессилено упала на свою софу, обхватив голову руками. Как я могла до такого довести? Мой собственный сын ненавидит отца, которого раньше боготворил.

– Мам, – Миша присел рядом, – извини. Знаю, тебе тяжело. Но я не могу простить отца за то, что он сделал. Он разрушил нашу семью. Он предал тебя, – и горько добавил, – и меня.

Я всхлипнула и не смогла сдержаться. Разрыдалась на плече у сына. Все то, что копилось в моем сердце последние полгода, что я так старательно пыталась спрятать ото всех, что я подавляла, считая грязным и противным, наконец нашло выход. Да, давно мне нужно было хорошенько прореветься, чтобы уже отболело. Но я не могла. Я должна была быть сильной ради сына. А что в итоге?

Миша гладил меня по голове и тихо шептал наставления. Мне. Мой тринадцатилетний сын. Шептал наставления.

– Все будет хорошо. Все пройдет. Ты еще будешь счастлива.

– Я и сейчас счастлива, – захлебываясь слезами и слюнями, я шумно вытерла нос рукавом, – ты рядом, и мне большего не надо.

– Надо, – твердо высек он, убирая прядь волос с моего лица, – ты должна любить и быть любимой. Другим женщиной.

Я шмыгнула носом и зарыдала еще громче. Почему все именно так? Когда все пошло наперекосяк? В какой момент я ошиблась?

– Что он хочет?

По одному только тону Миши я поняла, что исход этой битвы проигран. Я помотала головой.

– Не знаю.

– Когда он нас ждет?

Я закрыла глаза, собираясь с мыслями.

– Сегодня. В половине второго.

Миша вскочил, судорожно бегая по комнате.

– Позвони ему, скажи, что мы будем. И это... умойся.

Я молча кивнула, сбитая с толку. Но все, что попросил сын, выполнила. Зареванные глаза скрыть не удалось, поэтому я сделала макияж несколько сложнее, чем обычно. Да что уж кривить душой. Он был настолько броский, что мне самой стало страшно. Миша принес мне из шкафа любимое платье, которое я надевала только на день рождения и аккуратно повесил в ванной.

– Но у меня же сегодня не...

– Ты очень красивая в нем, – отрезал он, глядя свои школьные брюки на софе.

Я согласилась и с этим.

За двадцать минут до назначенного времени сын вызвал такси, а на мой немой вопрос ответил:

– Заплачу сам, – и продиктовал адрес, который был нам домом почти четырнадцать лет.

Машина мчала по шоссе, тихо шелестя резиной по асфальту. Водитель попался неразговорчивый, и это было хорошо. Настроиться на встречу с Денисом, да еще и в неформальной обстановке, было сложно. Но можно. Когда ты не одна. Всю дорогу Миша держал меня за руку. Он не произнес ни слова, но я чувствовала всем своим существом его внутреннюю силу. Он мог быть сильным за нас обоих.

Я дождалась, когда сын расплатится с таксистом, и мы на мгновение замерли у подъезда. Все вокруг было таким зна-

комым и родным, что хотелось снова расплакаться. Ровно полгода назад я собрала наши немногочисленные пожитки и больше сюда не заявлялась. Хотя ничего не мешало мне приехать. Денис был не против. Ключ остался у меня. Код от домофона не сменился. Но я мечтала оставить этот дом позади. В памяти. В прежней чужой и такой насыщенной жизни.

Миша набрал код, и мы оказались внутри. И здесь все было по-старому. Улыбающаяся консьержка Мария Семеновна так и сидела в небольшой, но светлой комнате, и кивнула нам, приветствуя как раньше, отчего ощущение тревоги, накатывающее волнами, усилилось вдвойне. Огромное светлое пространство холла, покрытое от пола до потолка красивой, местами бежевой, а местами бордовой плиткой, значительно отличалось от того темного закоулка, что встречал нас теперь дома. Если можно назвать домом ту однокомнатную пропахшую сигаретами квартирку, на которую у меня еле хватает денег. Но выбирать не приходилось.

В ожидании лифта я взглянула на часы, что висели рядом. Половина второго. Мы вовремя. Войдя в кабину, я зажала двадцать пятый, последний этаж. Денис всю свою жизнь мечтал жить на последнем этаже и иметь свой, отдельный выход на крышу. И пусть мы туда почти никогда не поднимались, но сама возможность этого дарила ему свободу. Он мог встречать рассветы, глядя за горизонт. И в такие моменты ему не нужны были ни часы, ни будильник. Потому что чувствовал приближение солнца где-то внутри, в себе. Горячая

кружка кофе без сливок, пара печенок в виде мишек и открытое окно. И неважно, идет дождь или снег. Этот ритуал оставался неизменным почти всю нашу совместную жизнь. Интересно, а сейчас он также встает на рассвете? Или изменил не только мне?

Двери лифта бесшумно раскрылись. И вот она. Квартира 235. Единственная на этом этаже и в этом доме. И в моем нереальном мире. Миша, которого, кажется, не мучили никакие вопросы бытия, ловко вырвался из душного плена, поднес палец к звонку, но нажать не успел. Денис явно ожидал нашего прихода, хотя я так и не перезвонила.

Распахнутая настежь дверь сразу же выдала нам хозяина, который, явно удивленный моим внешним видом, звонко присвистнул.

– Ух ты, ты невероятно... – но закончить фразу не успел.

Миша протиснулся мимо, не удостоив отца даже взглядом, и скрылся в комнате, что когда-то принадлежала ему.

– Что ж, – не подав вида, продолжил Денис, – добро пожаловать домой.

И я очень надеялась, что он пошутил.

Глава 6

Пятнадцатью годами ранее

Теплым июньским деньком я бодро шагала по проспекту. Никаких тревог, никаких забот, чуть, правда, ноги заплетались, и сердце учащенно билось, но я убеждала себя, что это от радости.

Спешу представиться. Меня зовут Карина Мельникова. Мне двадцать лет. Я совсем недавно закрыла на отлично сессию после третьего курса и перевелась на вечерку, хоть родители и были против. И сейчас я иду устраиваться на первую в своей жизни работу.

По будущему образованию я экономист. Прибыль, инфляция, финансы, инвестиции. Все это для меня непустой звук. И только потому, что мое образование не закончено, я могу претендовать максимум на должность стажера в отдел кадров. Хотя нет, могу еще в отдел бухгалтерии, но что-то мне подсказывает, что туда меня не возьмут. Ну и пусть. Зато не сидеть на шее у родителей и не ждать, когда небесные обитатели решат наградить меня финансовыми ресурсами. Нет, не подумайте, я подрабатывала летом и в том году, и в позапрошлом, но что я скопила, то давно испарилось, словно и не было.

А три дня назад моя однокурсница сболтнула про свое желание устроиться в одну фирму. Когда окончит институт. А я вот решила не ждать еще два года, а начать сейчас. Ведь к моменту получения диплома у меня уже будет значительный стаж. Да меня с руками оторвут везде, где только можно!

Конечно, однокурснице я об этом не сказала. Втихую нашла телефон этой организации со смешным названием ООО «Старица» и позвонила. И меня пригласили на собеседование, обмолвившись, что предложить могут только вакансию стажера. Но если спустя пару месяцев ко мне не будет претензий, меня возьмут в штат.

Уверена, что претензий ко мне не будет.

На удивление быстро я нашла нужный адрес и торопливо дернула за ручку двери. Организация занимала весь первый этаж в небольшом трехэтажном старинном здании в центре города. При входе меня встретила приветливая девушка, которая записала мои данные и проводила в переговорную комнату. Там-то меня и накрыло. Коленки затряслись, и вся нагроможденная внутренняя бравада вмиг превратилась в пыль. Я села за стол, чтобы скрыть тревогу от посторонних глаз, и достала из сумки подобие резюме. Думаю, оно должно выглядеть немного по-другому, но моей фантазии хватило только на это.

Спустя вечность (на самом деле прошло не более пяти минут) в кабинет вошли двое. Невысокая блондинка приятной наружности, на вид за сорок, в строгом костюме бежево-

го цвета и туфлях, подобранных в тон. Ее сопровождал высокий молодой человек. Он тоже был одет официально, но слишком небрежно, что ли. Пиджак его отсутствовал, рукава на рубашке были закатаны до локтя, верхние пуговицы расстегнуты, а на голове был сплошной беспорядок. Я мельком пробежалась по свежему лицу, но тут же стыдливо опустила глаза. Все в его облике меня настораживало. Он виделся мне хищником, облизывающимся перед тем, как загнать жертву в угол.

– Добрый день, меня зовут Евгения Александровна, – представилась женщина.

Я натянуто улыбнулась. Работа здесь почему-то мне уже не казалась такой шикарной перспективой, но деваться было некуда. Под столом я зажала ладони коленями, чтобы хоть как-то унять в них дрожь.

– Я начальник отдела кадров, – продолжала она, присаживаясь правее от меня. Молодой человек отодвинул стул как раз напротив. – И именно в мой отдел требуется стажер. В его компетенцию будет входить... – она принялась перечислять требования, которые я слушала вполуха, ободрительно кивая, стараясь не замечать на себе пронизывающий насквозь взгляд. А ведь он даже не представился.

Словно услышав мой внутренний голос, он несколько раз кашлянул, прервав монолог Евгении Пет... Нет. Евгении Мих... Боже, я забыла, как ее зовут.

– Евгения Александровна, вы успели загрузить девушку,

даже не поняв подходит она нам или нет.

Точно. Александровна. Так. Елена Александровна.

Блондинка несколько раз открыла и закрыла рот от возмущения, но ни слова не сказала поперек.

А нахальный парень ждал, когда я переведу на него глаза. И когда я это сделала, то заметила, как уголки его губ поползли вверх.

– Итак, – от его голоса у меня побежали мурашки. – Расскажите нам о себе. Кто вы, чем занимаетесь, к чему стремитесь.

Я облизала сухие губы и нервно сглотнула:

– Карина Мельникова, двадцать лет, закончила три курса экономического института, перешла на вечерку, хочу у вас работать, – на одном дыхании выпалила я.

– Замечательно, – вместо меня выдохнул он. – Что же заставило вас перейти на вечерку? Уж не нужда ли?

И что я должна ответить? Боже? Скажу "да", значит, готова браться за любую работу и за любые деньги, а если "нет", потребуется какой-то аргумент.

Я покачала головой и, заикаясь, ответила:

– Я здесь для опыта. Через два года мои однокурсники будут искать работу, а я уже буду иметь стаж. То есть буду в приоритете.

– Что ж, это интересно. – Он сложил пальцы домиком. – Но для чего вам быть в приоритете? Вы же девочка. А девочкам свойственно влюбляться, жениться и рожать детей.

Я округлила глаза и чуть не уронила челюсть, но на помощь мне, как ни странно, пришла Евгения Семеновна.

– Денис, не перегибай. Если тебя что-то не устраивает, может выйти.

Что он только что сделал? Фыркнул? И закатил глаза? Боже, как мне это развидеть? Я, готовая смеяться, почувствовала, как закололо ладони. Видимо, я их пережала коленями так сильно, что они затекли. Вытащив руки, но все еще держа их под столом, я сжимала и разжимала кулаки.

– Если вас только это беспокоит, то я не планирую в ближайшие лет, – я прищурилась, – пять выходить замуж.

– Хорошо, а какой вы себя видите через пять лет? – не унимался он.

Я задумалась. Ну, я окончу институт, у меня уже будет большой стаж, квартиры, правда, еще не будет, но я буду на полпути к ней.

– Я точно буду занимать какую-то должность выше стажера.

Денис расхохотался от души. Его серые глаза, искрившиеся от смеха, вмиг посветлели, а ямочки на щеках стали глубже. Я любовалась этим молодым человеком, забыв о том, где нахожусь. Все в нем на тот момент меня притягивало. Да, придется отметить, что он симпатичный. Неряшливая прическа на более вдумчивый взгляд оказалась такой укладкой, закатанные рукава оголяли сильные руки, а на шее я разглядела небольшой участок татуировки, правда, что на ней бы-

ло скрыто.

Я опустила глаза и перевела дыхание.

– Вы приняты, – внезапно нарушила смех Дениса Елена Анатольевна. – Паспорт с собой?

Я робко кивнула, не веря в свою удачу.

– Тогда пройдемте, – она поднялась, и я за ней. Денис проводил нас взглядом, но следом не поднялся. А я продолжала гадать, кто же он, и какую должность занимает.

Заполнив необходимые документы, спустя полчаса проходя мимо переговорной, я надеялась увидеть его снова. Однако там было пусто. Меня прям подмывало спросить о нем на ресепшн, но я боялась возможных потом сплетен. Все же мне здесь еще работать. Поэтому я вежливо попрощалась с девушкой и шумно вдохнула, выйдя на улицу.

Ура! Завтра мой первый рабочий день.

Глава 7

На следующее утро я встала раньше обычного. В половину седьмого. Помыла голову, попыталась неброско накраситься, чтобы подчеркнуть естественную красоту, но в итоге промучилась и только испортила, что пришлось смыть лицо и начать сначала. Долго выбирала наряд, надевала, красовалась перед зеркалом, снимала, снова надевала. Спустя полчаса остановилась на кремовом сарафане длиной до колена и закрытой грудью. В одно время оно было строгим и деловым, а в другое – летним и свежим. Как-никак жара же на улице.

Я жила с родителями в двухкомнатной квартире старой и ветхой пятиэтажки на окраине города. Большую комнату занимали они, а маленькая досталась мне. Относительно недавно. До этого комната была их спальней, а я жила в большой на диване. Но как только мне исполнилось восемнадцать, они решили, что привилегия закрытой двери должна достаться мне. Думаю, их пугала вероятность застать меня за непристойностями. В это входило и переодевание.

Мой отец – бывший военный, сейчас в отставке, хотя это и никак не сказалось на его стати и выправке. Он был невысоким, но широкоплечим. Проседь на его голове всегда была аккуратно зачесана на правый бок, а усы тщательно подстрижены. И все же безусловным педантом я отца не счита-

ла. Глубоко посаженные серые глаза под нависшими веками отнюдь не казались заплывшими, они ярко блестели, выдавая живость ума и остроту сознания. Он часто улыбался, шутил и всегда позволял мне то, чего мама не одобряла. Просто потому, что все мое детство его не было рядом. Постоянные дальние командировки. Мы даже не знали точно, куда именно. Просто ждали его дома. Я помню, как часто стояла у окна и представляла, что вижу его на дорожке. Он вышагивает по ней как по плацдарму, широко подняв голову и расправив плечи, а в руках свернутые в газету цветы для мамы и огромная рыжая кукла для меня.

Да, рыжая кукла была мечтой. Увы, так и несбывшейся.

Моя мама – учительница начальных классов в школе, что была во дворе. Полноватая и подходящая отцу по росту (ох, как он любил ее этим уколоть, мол «засуну тебя подмышку и унесу»), она никогда не позволяла себе выйти из дома без макияжа, пусть и самого простого. Черный веер ресниц обрамлял ее карие глаза, а темная помада зрительно уменьшала крупные губы, которые она ласково называла «пельмешки». Она коротко стриглась и лет с сорока пяти красила волосы в один и тот же оттенок, а я уже и забыла, какой она была раньше. Но искренне любила ее сливовый.

Мама всегда была в курсе моих двоек, драк, выяснений отношений, влюбленностей. Ощущение, что шпионы были расставлены по всей территории, а жучки лежали у каждого в портфеле. Но я не обижалась на нее. Возможно, это был

единственный шанс быть в курсе моей жизни. Сама-то я делилась редко.

А еще я очень любила их. Они – защитный тыл, дом и крепость. Без их веры в мои способности я бы вряд ли даже аттестат получила. Конечно, сейчас они не очень рады тому, что я ушла на вечерку. Но они поймут. Через год или два. Я же не собиралась бросать институт насовсем! Я хочу им помочь. Я уже не маленькая девочка.

Крутясь у зеркала, а это была единственная деталь, отличавшая их спальню от моей комнаты – зеркало на ножках во весь рост, я была довольна своим выбором. Легкий румянец на щеках, почти незаметный блеск на губах и пара взмахов тушью делали меня настолько миленькой, что я бы влюбилась в себя сама, будь молодым красавцем. Невысокая, хрупкая, с серыми доставшимися от папы глазами и пухлыми от мамы губами, я часто ловила на себе завистливые взгляды однокурсниц. А моя толстая рыжая коса, лежащая на плече, испытала на себе силу стольких мужских прикосновений, что мне могут позавидовать голливудские звезды.

Да, я до сих пор ходила с косой. Все дело в том, что распусти я волосы, то становлюсь похожей на божий одуванчик, который непременно хочется причесать. И это большая ошибка. После встречи с расческой я становлюсь еще более пышной и кучерявой. Знаю, существует множество способов справиться с этим явлением, но это либо салонная процедура, либо длительное по времени использование утюжка. Ко-

нечно, у меня был дома такой. Может, и правда стоило?

Робкий стук в дверь отвлек меня от размышлений. Мама просунула голову и, кажется, икнула.

– Ты же работать в офисе собралась...

– А что не так? – я удивленно подняла бровь.

– Да нет, все так, – мамины глаза рассеянно забегали по комнате, – время много уже. Пошли, если не хочешь опоздать.

Я схватила сумочку и телефон, и выпорхнула в коридор. Пахло сладкими мамиными духами и утренним горьким кофе. Значит, отец тоже поднялся. Он вышел из ванной как раз, когда я вставила ноги в туфли. Обнял меня и, пока я не вижу, смахнул слезу. Напутственных слов, правда, не сказал. Наверно решил, что у меня на сегодня впечатлений, итак, хватит.

Мама не была настолько понимающей. Всю дорогу до школы она причитала, что я не оправдала надежд, и пока она работает, мне нужно было учиться, и вообще знания важнее опыта. Я молча слушала и не влезала в полемику. Это было бесполезно. Мама просто дольше принимала все глобальные изменения в моей жизни. Ей одного «переспать с этой мыслью», увы, было мало. Ну и пусть. Погундит пару дней и успокоится.

Сейчас меня волновало другое. Поэтому, как только школа вместе с мамой осталась за поворотом, я полностью отдалась мечтаниям. Вот я вхожу в здание. Все меня приветству-

ют, пожимают руки, представляются. Я сразу нахожу взглядом Дениса, он улыбается, бежит мне навстречу, и больше не отходит от меня, все показывает и рассказывает. А наши столы оказываются рядом. Я смеюсь над его остроумными шутками, нам так хорошо вместе, что он делает мне предложение. И вот я в свадебном платье в ЗАГСе, рядом плачет мама, отец надел парадный пиджак с наградами, приехали все наши родственники из деревни. И...

Начался дождь. Сперва мелкий, почти незаметный, на который слегка увлекшаяся я не обратила внимания, через мгновение превратившийся в такой ливень, что не заметить его было невозможно. Я словно попала в шторм на маленькой лодочке, борта которой хрустели под давлением бившихся о них волн. Мои туфли черпали воду из луж, а платье прилипло к телу и ногам, мешая бежать. Хотя назвать бегом неуклюжие шаги на каблуках было сложно.

Люди прятались под козырьками магазинов и кафе, но я не могла себе это позволить. Опоздание в первый рабочий день показало бы меня в дурном свете. А то, что я приду в неподобающем виде, меня заботило мало.

Добежав до нужной двери, я с силой дернула ее и оказалась сразу же в чьих-то объятиях. На пороге толпились, и мне пришлось расталкивать людей, чтобы попасть внутрь. Когда я добралась до той же приятной девушки, что и вчера была здесь, ужас в ее глазах быстро сменился узнаванием. Она махнула мне рукой и подозвала обойти стойку. Так

я оказалась напротив тех, через кого только что протискивалась. Вода все еще стекала с волос и тела, падая на документы, лежащие на столе, но мою коллегу это не тревожило. Она накинула мне на плечи какой-то бесконечный шарф и, собравшись с мыслями, зычно оповестила всех присутствующих, о том, что я сейчас запишу данные каждого и лично буду заниматься их вопросом. А представила она меня как начальника отдела кадров.

Я, не мигая, смотрела на девушку и вдруг осознала, то даже имени не знаю. И тем более участвовать в подобной авантюре не могу. Ну какой из меня начальник? Я даже не знаю, чем занимается эта фирма! И кто, вообще все эти люди? Но обращенный ко мне умоляющий взгляд что-то всколыхнул внутри. И я сдалась, уверенная, что сто процентов потом пожалею.

– Уважаемые посетители, – начала я, спотыкаясь на каждом слове, – я прошу вас успокоиться. Сейчас я всех запишу...

Глава 8

– Настя, – протянула мне руку девушка, когда последний недовольный вышел из здания. – Спасибо, что помогла.

Я наконец позволила себе присесть и ненароком взглянуть на часы. Ого. Половина одиннадцатого. Стащив влажный шарф на спинку стула, я закинула ногу на ногу и обхватила их руками. Улыбка коллеги померкла, а сама она инстинктивно подалась назад.

– Что ж, наверно ты ждешь объяснения... – начала было Настя, но закончить мысль ей не дали.

Входная дверь вновь распахнулась, заставив меня подскокнуть и снова схватить ручку. Правда, я тут же выронила ее и с облегчением выдохнула. Перед нами стоял, стряхивая с зонтика капли воды, настоящий начальник отдела кадров.

– Ух, ну и дождина. Пришлось немного дома задержаться, чтобы не попасть под водопад. Вы как, девчонки? Что такие кислые?

Проносясь мимо, ловким движением руки раскрытый зонт отправился на пол, предварительно обдав нас водой. Но я даже не поморщилась. Нелепый круговорот событий требовал разъяснений. И кто, как не эта женщина могла внести понимание в происходящее.

– Евгения Александровна, вы такое пропустили, – выда-

ла Настя, словно только обрела голос. – Здесь такое столпотворение было! – Дикий восторг на ее лице сопровождался усиленной жестикуляцией. – Они стояли до самой двери.

– Кто они-то? – Евгения Александровна не разделяла Настиных эмоций, безразлично дожидаясь, когда же девушка наконец выдаст всю информацию.

– Мне тоже интересно, – подала голос и я.

Обе обернулись, забыв, видимо, что они здесь не одни.

– Она, – Настя указывала рукой на меня, – она спасла нас. Правда, пришлось немного наврать, но это мелочи. Вот, держите, – протягивая настоящему начальнику мои корявые записи, Настя улыбалась. Лицо Евгении Александровны, пока она пробежала глазами по строчкам, не выражало ничего, а затем вмиг почернело. Она живо заправила бумаги подмышку и скрылась за дверью, даже не поблагодарив.

А я точно заслуживала похвалы. Хотя бы за то, что не опоздала и приняла огонь на себя. А еще за то, что лгала во имя организации, где не проработала еще ни дня.

– Так кто были все эти люди? – я вновь предприняла попытку разобраться.

Но Настя только отмахнулась:

– Не бери в голову, пошли, я тебя подсушу лучше, ты так и не высохла. – Она подняла трубку и набрала кому-то: – Свет, замени меня, я чайку попью. Спасибо. – И обращаясь уже ко мне, добавила: – У меня есть торт вафельный, будешь?

Я, совершенно сбита с толку, робко кивнула. Мне вовсе

не понравилось, что я пообещала куче народу разобраться в их проблеме, в курсе которой я даже не была. И тем более мне абсолютно не нравился мой первый рабочий день! Я бы предпочла перебирать карточки и договоры в каком-нибудь затхлом помещении, где не было окна и единственным развлечением было рисование на толстом слое пыли, лишь бы не быть причастной к чему-то поистине криминальному.

Мы дождались Светы, которая оказалась как две капли похожей на Настю, такой же высокой, стройной и миловидной брюнеткой, разве что отличавшейся размером груди, и вошли офис. Эйфория первого рабочего дня, неомраченная странным утром, снова настигла меня, и я принялась разглядывать окружающую меня обстановку с явным интересом. А проходя мимо переговорной, вспомнила Дениса. Забавно, я успела забыть о своих утренних фантазиях, погрузившись в чужие переживания. И где же он сейчас?

Настя вела меня по длинному коридору открытого офиса. Ни одна стена не отделяла сотрудников друг от друга, только невысокие стеклянные перегородки. Я слышала о таком понятии, как open space, но живую никогда не видела. Говорят, это нужно для сплочения коллектива. Когда все друг у друга на виду, сложно оставаться незаметной. Хочешь не хочешь, а общаться начнешь.

Настя останавливалась, улыбалась коллегам, перебрасывалась парой-тройкой фраз, и только тогда мы продолжали путь. Бесконечные лабиринты столов и людей, заполняющих

пространство, вчера показавшее мне так оригинально спроектированное, сегодня страшили меня и заставляли сердце учащенно биться. Никуда не спрятаться, не скрыться, всегда и всюду на виду. И почему я вчера была в восторге от этого?

Небольшая столовая располагалась почти в самом конце офиса. Перед единственным кабинетом помимо переговорной, что здесь был. Кабинетом директора. Боже, я ведь даже его имени не знаю! Что если он тиран, каких еще поискать нужно? Ведь столовая здесь не случайно. А для контроля. Где обычно обсуждаются главные новости дня и свежие сплетни? Верно, за чашкой чая. Ну или он просто любит поесть. Занятное оправдание. Я хихикнула себе под нос, представляя директора тучным лысоватым мужчиной за пятьдесят.

И тут же врезалась в Настю, которая остановилась аккуратно у директорского кабинета и громко постучала. Стирая с лица улыбку, я сделала шаг назад, отвернулась и с крайне заинтересованным видом принялась разглядывать картину, что висела на стене. Не было у меня желания знакомиться с начальством, по крайней мере, сейчас. Настя же о чем-то увлеченно говорила и наигранно смеялась в распахнутую дверь, и лишь спустя минут пять прикрыла ее и толкнула соседнюю. Мы оказались в небольшой уютной, светлой комнате, где помимо холодильника и кухни с плитой стоял стол, занимавший почти все помещение, множество стульев вокруг него и старый потертый кожаный угловой диван у дальней стены. «Значит,

при желании здесь можно остаться ночевать,» – пронеслось у меня в голове, но я тут же погасила эту мысль. Ночевать на работе – не есть желание всей моей жизни. И даже думать о таком вредно.

– Присаживайся, – Настя указала мне на стул у крайнего из трех имеющихся окон. Я послушно села.

Дождь на улице давно прекратился, а солнце наполняло комнату своим ярким теплом. И только лужи на тротуаре и дороге напоминали об утреннем Армагеддоне. Однако людей это нисколько не смущало, все они как один перемахивали водные преграды. Все, кроме детей. Вот кому было за счастье побегать по лужам, обдавая родителей и прохожих этой отвратительной жижей. Я не заметила, как уголки моих губ сами поднялись, растворившись в улыбке. Да, беззаботность и детство. Все это где-то так позади.

Грохот за спиной отвлек меня от размышлений. Настя подняла с пола упавший стакан и виновато пожала плечами. Она уже успела налить воду в чайник и поставить его на плиту. Я сперва даже глазам не поверила. Что за прошлый век? У людей давно уже чайники электрические, а здесь... Но я подавила в себе желание в очередной раз показаться глупой и ничего не спросила. Настя, встав на стул, принялась рыться в верхнем шкафу и спустя несколько минут извлекла оттуда вафельный торт.

– Точно, я же помнила, что он есть, – ее ликующий возглас заглушал свист чайника. Выключив газ, она поставила

на стол два стакана, закинула в них пакетики и залила кипятком. – Прости меня за утро. Безвыходная ситуация, ты просто вовремя вошла. Ты молодец.

Я откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. Ненавижу загадки и ребусы. Ну неужели нельзя спокойно все объяснить? Я бы поняла и отстала.

– Кстати, – Настя протянула мне руку, – я совсем забыла, мы же тебя не высушили.

В этот раз я откликнулась на зов, вложив свою ладонь в ее, сама не знаю почему. То ли я не успевала за скоростью ее мыслей, то ли сумбур в голове смешался настолько, что я уже не ждала подвоха, то ли она расположила меня к себе. Да что уж гадать-то. Дала и дала.

Когда Настя приоткрыла дверь, напротив неизвестно откуда возник мужчина средних лет. Высокий и хорошо сложенный блондин в рубашке с закатанными до локтя рукавами удивленно вскинул бровь, глядя поверх Настиной макушки на меня. А ведь я даже не поправила макияж после ливня! Опустив смущенно глаза, я тихо ругнулась. Сто процентов и тушь потекла, и тоналка почти смылась.

– Сергей Петрович, вы кушать? – Невинный вопрос повис в воздухе.

И мужчина явно не собирался отвечать. Перехватив его взгляд, Настя улыбнулась.

– А! Это Карина, наш новый стажер.

Робко подняв глаза, я столкнулась с нахмуренными бро-

вьями и сжатыми, превратившимися в две тонкие полоски, губами, и задержала дыхание. Отчего-то мне показалось, что вдохни я сейчас поглубже, я задохнусь или того хуже – упаду в обморок. Мужчина, словно почувствовав это, отошел в сторону, пропуская, но так и не свел с меня темных глаз, Настя, которую нисколько не смутил этот момент, пропорхнула мимо, таща меня за руку в сторону туалета.

Безвольно облокотившись о раковину, я разглядывала свое отражение в зеркале. Все было плохо, как я и думала. Наверное, вообще стоит умыться, поправить это вряд ли не получится. Теплая струя воздуха окатила меня волной мурашек. Настя уже достала фен и теперь принялась им орудовать, словно проделывала такое каждый день. Она бесцеремонно стащила резинку, и тугая коса ослабла. Потроша волосы, новая знакомая щебетала без умолку, но я почти не слышала ее. Все мысли были теперь только о мужчине, что, казалось, был огорчен моим присутствием. Он даже не поздоровался и не представился в ответ. Хотя и я тоже.

– Горяч, правда? – Голос Насти раздался прямо у моего уха, отчего я подпрыгнула и ударилась о фен.

– Что? – недоумеваю, переспросила я.

– Я про Сергея Петровича.

Я пожала плечами. Сергей Петрович? Ох. От его взгляда меня бросило в дрожь. Можно ли это отнести к горячности? Он скорее меня напугал. И я все больше убеждаюсь, что работать здесь мне не стоит.

– Это наш директор. Сергей Петрович Илларионов. Все девчонки по нему сохнут. Но он кремень. Только строго и по делу. Но ты ему понравилась, не переживай. Ты видела, как он на тебя смотрел?

Я шумно выдохнула, глядя на свое отражение. Видела. И больше не хочу.

Глава 9

Настя, удовлетворенная результатом, выключила фен и куда-то снова его спрятала. А затем исчезла из поля зрения, оставив меня одну. Кое-как без расчески и геля я пригладдила выющиеся локоны и попыталась заплести новую косу. Помню, в начальных классах я любила гоняться за мальчишками на переменах, и вечером, когда мама забирала меня, она вздыхала и сетовала, мол, моей шевелюрой только улицы подметать. Сейчас я выглядела ничем не лучше. Но мне ли жаловаться. Новая работа – это как новая жизнь, а первые дни всегда тяжелые. Нужно просто перетерпеть и приспособиться. Что я и планировала сделать. Если смогу себя заставить.

Руки сами скользнули к крану, но крутанула я его только с одной стороны. Набрав полные ладони ледяной воды, я, не раздумывая, смыла то, на что потратила пол-утра. После хорошенько намылила руки и с остервенением принялась скоблить лицо. Мне казалось тем самым, я сотру весь этот день и начну с чистого листа. Не будет злосчастного дождя, толпы на входе, вранья и непонимания. И странного взгляда директора тоже не будет. Я заново зайду в здание, поприветствую Настю и банально с ней познакомлюсь, пройду по офису, удивлюсь интересному решению, загляну к директо-

ру, он мне улыбнется. И...

Промокнув лицо салфеткой, я уставилась в зеркало. Раскрасневшиеся щеки, распухший нос, потухшие глаза. Я напоминала обычную себя только спустя лет двадцать. Схватившись за раковину, когда меня повело, я опустила голову и сделала пару глубоких вдохов.

Неожиданно распахнулась дверь, нарушая мое еле уловимое хрупкое равновесие, и внутрь ворвалась Света. Та самая, что полчаса назад подменяла Настю на ресепшене. А значит, Настя уже вернулась к своим прямым обязанностям. Вот бы и мне узнать, что именно входит в мои. Громко шмыгнув, затягивая обратно подступившие слезы, я выбросила влажные салфетки и покинула спасительное убежище.

Евгения Александровна отыскалась быстро. Ее стол находился в непосредственной близости к кабинету директора. Кто бы сомневался. Я прямо ощущала, что такой человек, как он, просто обязан быть в курсе всех новостей в круглосуточном режиме. Интересно, а сильно ли его расстраивает неполучение желаемого?

Когда я подошла, Евгения Александровна разговаривала по телефону. Задержав на мне пронизывающий взгляд дольше положенного, она молча кивнула в сторону выхода и прошептала, прикрыв трубку рукой:

– Иди домой. На сегодня хватит.

Удивленно распахнув глаза, я сперва не поверила, продолжая стоять около ее стола. Ну не может же рабочий день за-

кончиться в полдень! Однако она повторила свои слова еще раз, и сомнений уже не осталось.

Неужели она приняла во внимание мою утреннюю жертву? Вот было бы здорово, скажи она это вслух, но ее разговор все продолжался, а подслушивать мне претило. Нерешительно махнув ей рукой, я медленно направилась к выходу. Заинтересованные и моим внешним видом, и скорым разговором с начальником коллеги провожали меня до двери. Да, сегодня я точно буду самой обсуждаемой персоной на обеде.

Сияя во все тридцать два зуба, Настя даже не изменилась в лице, когда узнала, что я уже иду домой. Может, это была обычная практика, и первый день стажера – сокращенный?

– Завтра не опаздывай, вдруг ты опять мне понадобишься, – на прощанье выпалила она прежде, чем дверь за мной захлопнулась.

На улице стояло настоящее пекло. Солнце успело высушить даже огромные лужи и достигло зенита. Хорошо, когда в офисе стоят кондиционеры, и ты можешь не опасаться за свое самочувствие. Хуже, когда ты работаешь на улице. Ну разве только если не продавщицей мороженого. Да, это точно кайф.

Я огляделась. Немноголюдный тротуар, пустынная дорога. В такой час город словно вымирал, прячась по темным закоулкам или в защите душных квартир. Мне бы тоже побыстрее скрыться в тень. Но я продолжала стоять на пороге, не имея ни малейшего представления, куда бы я хотела пой-

ти. Но явно не домой.

Внезапно из-за угла показался силуэт мужчины. Яркое солнце ослепляло, но я все равно узнала, кто это. Расслабленная уверенная походка, разведенные широкие плечи, ровная спина. Надо же, а я ведь успела о нем забыть.

– Привет, – непринужденно бросил мне Денис.

Не помню, когда мы перешли на ты и познакомились ближе, и все же я, заслонив от солнца глаза рукой, и ответила ему тем же:

– Привет.

Подойдя ближе, он с интересом изучал меня. Взгляд его скользнул по лицу, пробежал по груди, опустился ниже и снова вернулся к глазам, а губы замерли в нахальной улыбке.

– Ты на обед? А почему не в офисе?

Я склонила голову набок, обдумывая ответ. Эта игра казалась мне заранее проигранной, ведь я не знала правил. Но что интереснее, мне хотелось проиграть.

– Хотя да, я тебя понимаю, сплетни бабского коллектива – малоприятное зрелище. – ответил он за меня. – Хочешь, я покажу тебе кафе, в котором люблю и сам иногда обедать?

Я кивнула. Я же ничего не теряю, познакомившись с ним поближе?

Он развернулся и пошел туда, откуда появился. Я шагала чуть позади, не смущаясь разглядывая его. Почему ему можно, а мне нет? Стараясь походить на него, я тоже расправила плечи и выпрямила спину. И чуть не рассмеялась вслух,

представляя, как мы выглядим со стороны.

Идти пришлось недолго. Денис нырнул в ближайший двор, где внутри спряталась симпатичная кафешка. Причем с улицы я не заметила ни одной вывески, значит, зайти сюда несведущий о ней не мог.

Несколько старых деревьев, раскинувших свои многочисленные ветви над нашими головами, полностью заслоняли небо, и только завернув сюда, живительная прохлада мгновенно окружила нас. Заставленный столиками внутренний двор прямо перетекал во внутреннее помещение, где тоже можно было посидеть. Но Денис предпочел остаться в тени деревьев, кинув портфель на рядом стоящий стул. Я покорно заняла место напротив.

Официант возник из воздуха, не дав нам толком сесть. Я раскрыла меню и с радостью отметила более-менее демократичные цены. Тратить на обеды много я не могла себе позволить, да и зарплату стажеру платить не собирались. Вся та авантюра, в которую я ввязалась, была нацелена на результат в будущем. И если она не выстрелит, значит, все было зря.

Я ограничилась цезарем, в то время как Денис заказал первое, второе и десерт. Что же, он хотя бы мог себе это позволить. Он же был... А кем он, кстати, был? Если Евгения Александровна представилась сразу, как только вошла в переговорную, то этот молодой человек так и остался загадкой.

Исподтишка наблюдая за ним, я даже не заметила, как принесли еду. И пока стучали вилки, мы почти не разгова-

ривали. Я осторожно засовывала в рот листья салата и тщательно их пережевывала. В новой компании всегда так. Надо сперва произвести впечатление, а уж после показывать себя настоящей. Не то, чтобы я ела руками и ужасно чавкала, но и такой аккуратисткой не была. Дениса же мое присутствие ничуть не смущало. Нет, конечно, он не запихивал себе еду в рот ложками, но и особой опрятностью явно не отличался. Хорошо, что хоть не борщ заказал.

Как только я отодвинула пустую тарелку, Денис отодвинул и свою, в которой осталась нетронутой почти половина. Тушеные овощи с мясом выглядели аппетитно. Может, на деле все было не так? Взяв в руки нож, он разрезал пополам пирожное «Птичье молоко» и отложил одну из половинок себе на тарелку, а другую подтолкнул ко мне.

– Угощайся. Не поверю, что ты наелась салатом.

Возникший опять из ниоткуда официант забрал грязную посуду и поставил на стол две чашки, и большой дымящийся фарфоровый чайник.

– Мы не заказывали... – начала я, но Денис коснулся моей руки и кивнул официанту.

– Это просто чай.

Он разлил его по чашкам и пододвинул одну из них ко мне.

– Как можно пить чай в такую жару? – удивленно спросила я.

– А ты попробуй.

Обжигающий цветочный аромат на языке заставил меня хмыкнуть от удовольствия. Привыкшая пить сладкий черный чай с молоком, я искренне удивилась, что существует что-то, что может мне понравиться.

– Что это?

Денис, пристально следивший за моей реакцией, расслабленно растянулся на стуле.

– Зеленый жасминовый чай. Обожаю его. Считаю, ты знаешь обо мне теперь все.

Глава 10

Денис расплатился по счету, не взяв с меня ни рубля. Я, конечно, пыталась всунуть ему помятую сотню, но он даже смотреть на нее не стал и лишь усмехнулся:

– С первой зарплаты отдашь.

Я нехотя спрятала купюру обратно в сумочку. Это же не значило, что у нас было свидание? Такое поведение вообще нормальная практика? Парень же не стал бы платить за девчонку, что ему не понравилась. Или он просто слишком воспитанный? Ох уж эти дурацкие мысли, остановитесь!

Ожидая, что за обедом последует что-то еще, я удивленно уставилась в удаляющуюся спину Дениса, успевшую скрыться за поворотом до того, как я прошептала «до свидания.» Ну конечно, он подумал, что я иду за ним. Ведь странно предполагать, что у кого-то уже закончился рабочий день. Может, догнать? Хотя что я скажу?

Качнувшись на каблуках, я развернулась в другую сторону и уверенным шагом направилась домой, ожидая, что в ближайшие дни мы обсудим с ним и эту встречу, и этот обед.

Но ни завтра, ни послезавтра, ни даже в пятницу я его не видела. В офисе он не появлялся, а спрашивать о нем в открытую было неловко. Зато я постоянно натыкалась на Сергея Петровича. Хмурый и отталкивающий, он за эти дни пе-

ребросился со мной разве, что парой слов, каждый раз нагнетая обстановку вокруг себя так, и казалось, даже воздух тяжелел под его взглядом. Я старалась обходить его кабинет стороной, но неминуемо оказывалась рядом. Евгения Александровна усадила меня за свой стол и вытащила из ниоткуда пыльные папки, о которых я так мечтала.

Больше никто меня до обеда не отпускал, и теперь мой рабочий день длился с девяти до шести, как у любого другого сотрудника. Понемногу я стала знакомиться с коллективом. Помимо Насти и Светы в «Старице» работали еще три девушки: Ангелина, Ольга и Наталья. Невероятное внешнее сходство всех этих барышень натолкнуло меня на странные выводы, будто на работу брали только высоких пышногрудых брюнеток. Но, с другой стороны, меня-то, рыжую и маленькую, тоже взяли. Сбой в матрице? Или просто совпадение.

Мужского населения в «Старице» было определено больше. Сисадмин Толик, менеджеры по оптовым закупкам Антон и Кирилл, менеджер по реализации продукции в розничные магазины Степан, курьер и по совместительству водитель Вася, директор Сергей Петрович, ну и Денис, должность которого я так и не узнала. Молодые люди были разношерстными: высокие и низкие, худые и толстые, в возрасте и совсем молодые, веселые и угрюмые. С кем-то я сразу нашла общий язык, а кто-то меня просто не замечал. Но все же отношение было приемлемое. Я втягивалась.

Когда первая неделя подошла к концу, я с облегчением выдохнула. Родители немного свыклись с мыслью, что их дочь выросла и сама может принимать решения. Мама уже не так рьяно будила меня с утра и даже складывала с собой что-то поесть. А в выходные я пригласила их в то самое кафе. Давно они уже никуда не выбирались, а здесь и повод есть, и желание.

Конечно, первой зарплаты я еще не получила, и сейчас не могла побаловать их блюдами из всего меню, но все же немного провести время вместе позволить могла.

Мама ради такого достала из шкафа платье, которое надевала только по особым случаям, а папа подстриг усы и погладил брюки. Смотрелось все так, словно они собираются на прием в ресторан как минимум к мэру. Но я не смеялась, я понимала, как для них это важно. Поэтому помогла маме с макияжем, а папе с ботинками, начистив их до блеска.

Время близилось к обеду и в кафе оказалось многолюдно. Все столики на улице были заняты. Официант, что встречал у входа, проводил нас вглубь помещения. И если сперва я расстроилась, то увидев внутреннее убранство, ничуть не пожалела. Бутафорские римские колонны разделяли зал на несколько зон. Расставленные повсюду большие и маленькие цветочные горшки сплошь темного оттенка отлично гармонировали с персиковыми стенами. Мама восхищенно разглядывала висевшие картины, шепча что-то о Венере Милосской, а папа, явно чувствующий себя не в своей тарелке,

часто поглаживал усы. Нас довели до столика на четверых у окна и приняли заказ.

Только десерт. Конечно же, перед посещением кафе мы дома пообедали. Мама переживала, что чересчур большой счет мы не потянем, а супа она наварила на неделю вперед. Поэтому исход был предрешен.

Мне принесли пирожное «птичье молоко».

– Ты же не любишь его? – поинтересовалась мама, пробуя жасминовый чай.

– Странно, правда? – удивляясь самой себе, ответила я. – Никогда не любила, а теперь вот, ем и мне нравится.

Широкое окно охватывало весь тесный дворик. Я пересчитала столики, обратила внимание на плитку под ними и подняла глаза к небу, которого не было видно из-за веток. А потом взглянула на то дерево, где недавно сидела с Денисом, и закусил губу. Словно это была нереальность, а выдуманная мной фантазия. Или сон. Но такой приятный.

Из-за калитки появилась большая компания ребят. Исходившие от них гомон и веселье быстро привлекли не только мое внимание. Мама недовольно фыркнула, мол, ей мешают есть, а я не могла отвести глаз. Официант проводил компанию к столику на улице, как раз перед нашим окном. И прямо напротив меня сел Денис. В обычной футболке и драных джинсах он выглядел еще привлекательнее. Запустив руку в волосы, он забавно взъерошил их и стал похож на воробья, потрепанного в драках за еду, а его улыбка заставила задер-

жать дыхание, хотя я знала, что та адресована не мне. Что-то увлеченно рассказывая, Денис постукивал по столу, отбивая только ему понятный ритм. А когда закончил, ребята разразились таким хохотом, что и мне захотелось узнать его причину. Да, я представляю, как выглядела со стороны подурачки, наивно полагая, что, постучав тихонько ногтем по стеклу, смогу привлечь внимание Дениса. Я даже напрочь забыла о родителях, сидевших рядом.

– Карин, что происходит? – встревоженный голос матери застопорил меня.

Я убрала руку от окна и смущенно улыбнулась. И правда, что я делаю? Я видела этого парня всего дважды и ничего не знаю о нем, и его жизни. А сейчас я сижу перед родителями и растекаюсь как мороженое на солнце.

– Прости мам, задумалась, – это вряд ли сошло за отмазку, но я сделала вид, что не могу оторваться от тарелки с десертом, уплетая за обе щеки.

Робко поглядывая из-под опущенных ресниц на Дениса, я видела, как он обнимал сидящую рядом блондинку. Ухоженное лицо, броский макияж, широкая открытая улыбка, изящные руки с длинными тонкими пальцами. Я явно не чета ей.

Недоеденный десерт, вмиг потерявший свою привлекательность, был отодвинут подальше. Я ведь и правда никогда его не ела. Что же на меня нашло? Осушив свою чашку, я нашла небольшое коричневое пятно на скатерти и сковырнула

его ногтем. Кому в голову пришло постелить такую грязную скатерть? Да и меню здесь не айс, и салат был невкусным. Думаю, больше я сюда не приду.

Тишина за столом угнетала. Но разрушить ее, означало, ответить на незадаанные вопросы, а это делать сейчас мне не хотелось. Зная отца, я понимала, что он молчал, потому что догадался, а мама не о чем не догадалась, но решила оставить этот разговор до дома.

Расплатившись, мы одновременно поднялись, и я не удержалась от прощального взгляда. Наклонившись ближе к блондинке, Денис целовал ее в шею, а та, томно прикрыв глаза, что-то шептала ему в ответ. Интимность момента, совершенно неподходящая для такого большого скопления людей, смутила меня. Я поспешила за родителями к выходу, а пробираясь между столиками на улице, старалась не смотреть по сторонам. И все же поймала на себе хищный стальной отблеск. Схватившись за папину руку, я потащила его из ставшей ненавистной прохлады на вожденную жару.

На сегодня, кажется, эмоций мне хватит.

Глава 11

Сейчас

Переступив порог старого дома, я зажмурилась. Полгода я пыталась стереть в себе причиняющие боль воспоминания. И столько же скрывалась и запутывалась в терзающей меня реальности. Каков итог? Я снова здесь. И дело-то дрянь. Почему Денис после нашего ухода не снес к чертям все стены? Не перекрасил в черный цвет? Не залил бетоном ламинат? Не перенес кухню в спальню, а спальню на балкон? Почему все осталось в том же состоянии, что я его запомнила?

Заиграла знакомая мелодия, и Денис, извинившись, убежал на кухню.

Я же с грустью смотрела на щемящие сердце улыбки, проходя мимо комода, где были выставлены в ряд наши лучшие снимки. Этот со свадьбы, на этом выписки из роддома, а здесь Миша пошел в первый класс. Я взяла свадебную и провела пальцем по своему образу. Такая молодая, такая беззаботная. Обнять бы ее сейчас.

– Помнишь, как тебя украли, а я бегал по всему ресторану и предлагал деньги каждому, кто бы мог знать, куда тебя спрятали? – Денис неслышно оказался позади, и вдруг мне так захотелось, чтобы он прижал к себе и положил голову на

плечо. Как раньше, когда все было иначе.

– Так зачем ты нас пригласил? – я поставила фото обратно и развернулась.

– Да, прости, – он кашлянул, – может, сначала перекусим? Я пиццу заказал. – И махнул рукой в сторону кухни, где на столе высились три больших коричневых коробки.

– Я позову Мишу, – сказала я и сделала шаг в сторону, но Денис поймал меня за руку.

– Можно я?

Я смущенно кивнула. Он имеет право поговорить с сыном, а сын имеет право знать, что его отец не такой козел, как он думает сейчас. Отпустив мою руку, Денис направился в бывшую Мишину комнату, а я в ванную. Двигаясь медленно, чтобы иметь возможность прикоснуться к памяти, я цеплялась за любую некогда дорогую мне вещь. Широкий угловой диван ярко-оранжевого цвета неестественно загромождал гостиную, однако Денис не только позволил купить мне его, но и периодически передвигал с места на место, когда мне надоедало его расположение. Рядом с ним невысокая полка и стоящий на ней огромный телевизор, за которым мы проводили воскресные вечера, споря каждый раз при выборе фильма. Мише больше нравились блокбастеры, а мои мелодрамы редко выигрывали под натиском мужских доводов. И все же раз в месяц Денис увозил Мишу на целый день в парк или цирк, и я могла позволить себе проваляться на этом самом диване с пищей, пялясь в экран.

Опомнившись, я смахнула с обивки несуществующие пылинки, и дошла-таки до ванной. Внутри было светло и чисто. Денис наконец поменял разбитый плафон, а зеркало сверкало безупречной стерильностью. Поразительно. Я точно знаю, что опрятностью Денис никогда не отличался, и пару раз в неделю на час зависала у зеркала, занимавшее всю стену над раковиной. Хотя чему я удивляюсь, наверняка находятся те, кто с удовольствием драит ему полы. И не только.

Открыв кран, я всмотрелась в отражение. Уставшая, потускневшая я, которой даже макияж не помог скрыть следы внутренних переживаний, наконец могла признаться самой себе, что проиграла. Ту жизнь, которой не дорожила, мужа, которого не заслужила, и сына. Но за него я еще поборюсь.

Когда я вошла в кухню, Миша и Денис уже сидели за столом. Разлитый по бокалам апельсиновый сок (а он не забыл) и разложенная по тарелкам пицца почему-то вызывали внутри детский восторг, который я, несомненно, выразить не смела. Вся эта картина субботнего домашнего обеда из прошлой жизни умиляла меня, а вовсе не тяготила, как должна была.

– Вернемся к разговору, – произнесла я, откусывая от пиццы барбекю (еще один жирный плюс в карму мужа).

Денис махнул рукой, мол, позже, после еды, и завел с Мишей беседу о недавней игре Арсенала. Сын сперва нехотя, а позже втягиваясь, раскрепощался и восторженно отзывался на реплики отца. Я видела, как ему не хватало этого обще-

ния, и понимала, что долго крепость устоять не сможет. Ему нужно было это внимание.

И мне тоже. Но я даже не пыталась вникнуть в смысл всего, что ими было сказано.

Закончив трапезу, мы убрали со стола, а остатки пиццы я засунула в коробку и полезла в холодильник, чтобы спрятать ее. Почти пустой, если не считать пары открытых банок консервов и кетчуп в дверце. Ну и что. Денис всегда предпочитал еду из ресторана. А на голодающего он, увы, непохож.

Не обратив внимание на мое замешательство, мужчины скрылись в гостиной, а чуть позже я услышала восхищенные возгласы сына. Да, отец умел удивлять. Может, новый плейстейш купил.

Как же я оказалась права. Закинув ноги на придиванный столик, эти двое зажимали в руках джойстики и, не сдерживая эмоций, горланили как на настоящем матче. Что ж, здесь мне делать нечего. Пускай развлекаются.

Я подошла к окнам и с удивлением отметила, что ни один мой цветок не завял, а фикус даже был пересажен в новый горшок. Неторопливо огибая свои прежние владения, я ощущала, как скучаю по этому месту. Как же мне не хватает ощущения, что я хозяйка, и это все мое. Не замечая, куда несут меня ноги, я вошла в спальню. И замерла в дверях.

Однако.

Здесь произошли некоторые изменения.

Я уставилась на картину, что теперь висела над двуспаль-

ной кроватью. На портрете с первого юбилея свадьбы я в длинном обтягивающем платье, а Денис и стоящий между нами Миша – в строгих смокингах. Мы обнимаем друг друга и выглядим счастливыми. Нет, не так. Не выглядим. Мы счастливы искренне.

Подступивший к горлу ком никак не хотел проглатываться, и я часто-часто заморгала, чтобы непрошеные слезы оставались там, где им самое место. Отвернувшись от портрета, я уперлась взглядом в шкаф. Но тут-то Денис точно должен был налажать. Не могло все быть так идеально! Я резко дернула за дверцу и, отступая, ударилась о борт кровати.

Невозможно! Зачем все это?

Не сдерживая больше слез, я разрыдалась, прижимая руки к груди. Все мои вещи... Все они лежали на своих местах. Будто я и не уезжала никуда, а просто вышла за хлебом. Тщательно разобранные по цветам футболки, свернутые кофты. Денис сохранил все, даже трусики мои были аккуратно сложены в небольшом контейнере.

Размазывая слезы по лицу, я, стараясь незаметно проскочить мимо мужчин, бросилась в ванную. Я так не могу. Я устала. Я слабая. Я больше не хочу скрываться. Это моя жизнь. И я хочу жить, а не существовать. Я хочу любить и быть любимой, и не склеивать разбитое на сотню мелких осколков сердце.

Смыв то, что осталось от макияжа, я опустила крышку унитаза и села. Как жаль, что я не курю. В такие моменты

в кино дамы обычно выпускают в потолок кольца дыма. А вместе с ними и свою боль.

Робкий стук в дверь вряд ли мог принадлежать сыну, поэтому я не стала таиться.

– Ты как? – Денис просунул голову в щель. – У-у-у, что ты сделала с той красоткой, которая пришла ко мне? – Он бесцеремонно проник внутрь и прикрыл за собой дверь. – Все плохо, да? – Его участливый голос тревожил душу еще больше.

– Зачем ты нас пригласил? – надрываясь, спросила я.

Денис присел на корточки у моих ног и взял меня за руки. Несколько раз он открывал рот, чтобы что-то произнести, но будто не решался. И когда все же собрался с мыслями, в дверь постучал встревоженный Миша.

– Мам, я вызываю такси?

– Оставайтесь, – выпалил Денис прежде, чем я ответила сыну. А глядя на мои округлившиеся глаза, добавил: – не думай ничего плохого, я просто хочу побыть с вами.

И я сдалась. Знаю, что не должна была. Знаю, что предаю не только себя, и Миша потом не простит. Но мне так хотелось вновь почувствовать себя целой, не половинкой, не четвертинкой. А целой. С невероятного размера вселенной внутри.

– Я буду спать на диване, – торопливо выдал Денис, все пытаясь меня уговорить и не догадываясь, что я заочно была согласна. Лишь переступив порог этого дома.

Я растерянно киваю и закрываю глаза, чтобы не видеть радость на его лице, или, может, чтобы не показать свою. Издав победный рык, Денис выскакивает из ванной, оставляя меня наедине с непонятным мне ощущением. Не то боль и надрыв, не то счастье и надежда. И вот я снова рыдаю. Прошое нужно уметь отпускать, нужно делать выводы, искать выходы, либо пробивать новые дороги. Я же опять ныряю в бездну, оставив свой кислородный баллон на берегу. Пожалую же, точно пожалею.

Глава 12

Тогда

– Я видел тебя в кафе. – Денис присел на край стола Евгении Александровны и взял в руки один из отчетов, что я сшивала в папку.

– А я тебя не видела, – выхватив стопку бумаг, я засунула ее в дырокол и с такой яростью нажала на рычаг, что тот, казалось, даже взвизгнул.

– Ой-ой, полегче. Все нормально?

– Ага, – соврала я, – видишь же, работаю.

– Вижу, – Денис наклонился ниже и у моего уха прошептал, – пообедаем вместе?

Я отстранилась и непонимающе уставилась на него. Нездоровая заинтересованность к моей персоне пугала и выбивала из колеи. Хотя чего я ожидала увидеть? Двуличность вроде не выражается мимикой. Да и ни одного намека на шутку не нашла.

– У меня обед с собой, – отрезала я и схватила не глядя новый отчет.

– Понял, удачи.

Соскользнув со стола, Денис пересек проход и скрылся в кабинете директора. Вот же нахал! Я отбросила отчет в сто-

рону и поднялась. Мне нужно пройтись, чтобы собраться. Ведь ничего не произошло, меня это не задело.

Да черт возьми, кому я вру? Этот придурок вчера целовал девушку, а сегодня пригласил меня пообедать. А еще говорят, что девочки нелогичные. Я пролетела мимо кабинета директора и оказалась на кухне. Руки работали автономно, механически выполняя действия, значения которых я не осознавала. Закипевший чайник словно сам налил в стакан кипятка, а пакетик сам себя помакал. Очнулась я, уже сидя за столом и грея, непонятно почему вдруг ставшими холодными, руки.

– Привет, что не позвала? – Настя впорхнула в помещение, и тучи мгновенно рассеялись. Не от солнца или лампы, а от ее ауры. Теплая, светящаяся добротой и участием девушка своим только появлением могла улучшить всеобщее настроение. Чем частенько и пользовалась, разгоняя конфликты в коллективе. Да, за прошедшую неделю я в этом успела убедиться.

Я виновато улыбнулась.

– Прости. Забылась.

Настя напевала что-то под нос, когда заваривала себе чай, а с дымящимся стаканом после плюхнулась рядом.

– Уж не наш ли Денис в этом повинен? – заговорщицки подмигнув, спросила она.

Я поперхнулась. И теперь отвечать на вопрос было не нужно. Все, итак, понятно.

– Да ладно, не парься. Он местный ловелас. В его постели побывало столько девочек, что никто уже не воспринимает его всерьез, – словно рассказывая веселую байку, сообщила мне Настя.

Значит, я была права. И вчера я видела именно то, что видела. Одним глотком осушив чашку и не удосуживаясь отнести ее в раковину, я молча рванула из кухни. Мне нужно было побыть одной. Мне нужен был чистый воздух, без слухов и интриг. Потому что даже Настя, какой бы она ни была приятной в общении, не упустит момента посплетничать и обо мне. Поэтому остановившись перед дверью и коснувшись ручки, я буркнула:

– И вовсе не из-за него.

И ироничный Настин смех послужил мне ответом.

Я уже хотела дернуть ручку, но не успела, дверь отворилась сама. Сергей Петрович по ту сторону замер, глядя как я топчусь на пороге. И ни один из нас не делал первый шаг. Его глаза вмиг посерьезнели и почернели, а брови сдвинулись. От злости и негодования на меня, что ли? Да что я, черт возьми, такого сделала?

– Доброе утро, – робко пролепетала я, опуская взгляд.

– Доброе, проходите, я позже зайду, – он придержал дверь, пока я пулей покидала кухню. Да фиг с ним, с этим я сейчас разбираться не хотела.

Я схватила сумочку со стула и направилась к выходу.

Знаю, что до обеда еще далеко, но многие позволяли себе отлучаться на пару минут, чтобы выкурить сигаретку. И пусть я не курила, но небольшой перерыв тишины позволить себе могла.

Через дорогу от нашего офиса стояли жилые дома с уютными аккуратными дворами, внутри которых притаились густая зелень живых изгородей и пестрые цветочные клумбы. Я давно заглядывалась на их тенистую глубину, но еще ни разу не позволила себе ее исследовать. Мне нравилось думать, как кто-то, скорее добрая бабушка с усеянным морщинами лицом, усердно следит за сохранностью этого оазиса. В самом сердце двора под высокой березой я нашла лавочку, на которой и расположилась. И выдохнула. Почему я не осталась в институте? Училась бы себе сейчас, и горя не знала. Никто бы душу не тревожил, никто бы сердце не топил. Ох уж эти чувства.

Я откинулась на спинку и обняла себя за плечи. Странно, но не ощущая того зноя, что царил вокруг, я неожиданно замерзла. Мурашки гурьбой побежали по коже, и даже растирания не помогли. Но возвращаться я не хотела. Что-то в этой прохладе дарило мне успокоение. Просто в следующий раз надо взять с собой кофту.

С лавочки открывался прекрасный вид на здание офиса. Я различала в окнах коллег и даже Настю, сидящую в «предбаннике». Хороший обзорный пункт, однако. Может, у той бабушки внук работал в «Старице»? Рассмеявшись над соб-

ственной шуткой, я заметила, как входная дверь офиса распахнулась. Сергей Петрович, оглядев дорогу, перебежал ее и стремительно приближался. Первой мыслью было спрятаться, я даже сумочку успела схватить, но прикинув, как будет глупо выглядеть, осталась сидеть на месте. Обуреваемая страхом, который всякий раз вызывал во мне начальник, я была уверена, что он идет напрямик ко мне. Я успела где-то напортачить?

Но удивленное выражение его лица говорило, что он и сам не ожидал меня здесь встретить. Словно я прокралась в его тайное убежище, о котором никому не было известно. Хотя этот двор никак не выделялся из соседних.

– А, Карина, – смущение в голосе Сергея Петровича озадачивало. Вглядываясь в его лицо, я надеялась увидеть привычные хмурые брови и жесткие глаза, но не увидела. Казалось, он и сам пребывал в растерянности. Я поднялась.

– Я, пожалуй, пойду.

Но просто пройти мимо не смогла. Что-то в его позе пугало меня. Пониженные плечи, сжатые губы. Всю прошлую неделю я сторонилась эту суровую грудку решительности и комков нервов, а сейчас мне вдруг захотелось пожалеть его. Я сделала шаг навстречу, однако, Сергей Петрович не дал мне сделать другой. Он отошел, как только что у кухни, пропуская меня. Да, с чего это я решила, что ему нужна моя жалость? Не мешкая больше ни мгновения, я, прижимая к сердцу сумку, пронеслась через дорогу и оказалась в спасительном офи-

се. Никогда не думала, что он будет так меня радовать.

Настя, завидев меня сквозь стеклянную дверь, хотела было пошутить, но глядя в испуганные глаза не стала и лишь спросила:

– Опять Сергей Петрович?

Конечно, она же видела, как он выходил. Я молча кивнула, пытаясь восстановить дыхание.

– Да нормальный он. Со своими тараканами, конечно. Но кто без них? – и потеряв интерес к нашей беседе, вернулась к работе.

Да, мне бы тоже следовало к ней вернуться. Но как?

Глава 13

Два месяца пролетели незаметно. Я не без труда, но вошла в коллектив. И теперь стойко переносила колкие Васины шутки, со Степой часто возвращалась домой (как выяснилось, мы жили в соседних домах), а с Настей сдружилась так, что почти перестала общаться с институтской подругой Аленой. Евгения Александровна приняла меня как родную, особенно когда узнала про мое небольшое увлечение. Вязание крючком. Кто бы мог подумать, что оно когда-нибудь пригодится? Ан нет. Не зря мама надо мной корпела.

Денис все так же предпринимал попытки сблизиться, но каждый раз перед моим лицом возникала картина из кафе: он, блондинка и страстный поцелуй. А мне не хотелось быть еще одной из длинного победного списка. И пускай ночами я продумывала нашу с ним будущую совместную жизнь и изнывала от желания коснуться хотя бы его губ. Понимала ведь, что давно пропала, но продолжала держать оборону.

Кстати, я наконец узнала, какую же он занимал должность. Будучи уверенной, что он как минимум заместитель директора, я была разочарована, услышав о простом менеджере. На мой вопрос «почему он тогда беседовал со мной», он отшутился и быстро откланялся, подогревая интерес еще больше. Но когда-нибудь я и в этом разберусь. Или же нет.

Все потому, что сегодня заключительный день моего неоплачиваемого «рабства».

И если с одной стороны на меня навалилась радость скорого избавления от должности стажера, то с другой, недоумение, почему никто из руководства так и не поднял темы о дальнейшем моем пребывании в «Старице». Сергей Петрович игнорировал каждую нашу встречу и мое присутствие в принципе, и единственное, за что стоит отдать ему должное – всегда здоровался. Всю необходимую информацию до меня доносила Евгения Александровна. Да я уже и сама привыкла, с вопросами подходить только к ней. В кадровой работе многое для меня прояснилось, я видела в ней свое развитие и думала, что оставить меня вполне логично. Всего-то и нужно было – подписать бумагу о зачислении в штат.

Но все пошло не так. С самого утра.

Евгения Александровна не вышла. Со слов Насти – заболела. Это означало, что разговаривать с Сергеем Петровичем предстоит мне одной. Собираясь с духом, я пожаловалась подруге, которая, понятное дело, подняла меня на смех. В ее глазах директор не был извергом и тираном, она спокойно могла пригласить его выпить чаю на кухне и проболтать с ним полчаса. Самое странное, что он частенько соглашался, и почти всегда участвовал в беседе, ровно до того момента, как я появлялась в поле зрения. Стоило мне войти в комнату, как Настин звонкий смех спотыкался о стену, мгновенно возводимую Сергеем Петровичем. За два месяца я так и не

узнала причины, почему это происходило, поэтому просто старалась в ответ избегать и его.

Выходило неплохо. До сегодняшнего дня.

Теперь же мне предстояло пообщаться с ним лично, да еще и просить меня оставить.

За обедом я не проронила ни слова. Вася всячески пытался меня поддеть, но сейчас мне не хотелось вестись на его подколы. Я отсутствующе уставилась в тарелку с гречкой и копалась вилкой в поисках мяса.

– Эй, Кар, что случилось? – Вася помахал рукой перед моим лицом.

Я вздрогнула от неожиданности.

– Вась, отстань, не видишь, что ли? Она переживает. – Настя хлопнула его по руке.

– А что случилось-то? – отозвался Денис с другого конца стола.

Настя закатила глаза.

– Ну ты что, забыл? Сегодня заканчивается испытательный срок. А Санна не вышла. Вот Карина и настраивается на разговор с Петровичем.

Да, в Настиных словах все звучало как-то чересчур легко. Я отодвинула гречу, вспомнив, что мяса в ней и не было.

– Да все нормально, ты преувеличиваешь. – Взглянув на подругу, я состроила гримасу. Зачем было всем рассказывать.

– Хочешь, я с тобой схожу?

Озадаченно подняв глаза, я вдруг осознала, что невинный вопрос шел от Дениса. Хотела бы я, чтобы меня поддержал он? Наверное, в этой ситуации мне было бы все равно, кто будет стоять рядом, лишь бы не одной. Но идти с Денисом?

Я покачала головой.

– Не утрируйте, сама справлюсь. – Взглянув на часы, я поднялась. До конца рабочего дня оставалось не так много времени, а значит, пора.

Я сложила гречку обратно в контейнер и спрятала в холодильник.

– Удачи! – крикнула вдогонку Настя, и дверь захлопнулась.

В пустом полутемном помещении было тихо. Жужжал только старенький кондиционер, спасавший нас все лето. Я робко остановилась у претившей мне двери и потеряла потные ладони. Ну же! Сколько можно стоять! Сейчас закончится обед, и все пойдут по рабочим местам. Позора не оберусь.

Я постучалась ровно три раза. Тихо, но требовательно. Послышалось незамедлительное «войдите», и я распахнула дверь. Сергей Петрович сидел за столом, закинув руки за голову, а когда осознал, кто именно его потревожил, удивленно поднял бровь, опустил руки и привстал.

– Карина? – он указал мне на стул и сел только после того, как села я. – Что вы хотели? – Нарочитая вежливость с его стороны меня злила, но держа в голове цель своего визита, я пропустила это мимо.

– Сергей Петрович, как вы, наверное, помните, я принята на должность стажера...

– Если быть точнее, практиканта, – поправил он.

– Ну да, и сегодня мой крайний день... – я замолчала.

– Так. И что?

Блин, неужели сам не догадается?

– И я бы хотела продолжить у вас работать. Евгения Александровна неплохо отзывается...

Он почесал бровь и сплел пальцы в замок, поставив локти на стол.

– Во-первых, неплохо – не есть хорошо, – его прерывистый вздох не сулил мне ничего приятного, – а во-вторых, от лица компании вам выражается благодарность. Характеристику в институт я подпишу, как только Евгения Александровна ее составит.

– Но я бы хотела...

– В ваших услугах мы более не нуждаемся.

Сухой до скрипа голос не предполагал возражений, а неестественная напряженная поза, в которой застыл Сергей Петрович, открыто говорила, что иного смысла в его словах искать не стоит. Я сжала челюсть до скрежета зубов и подскочила. Только бы не разрыдаться прямо здесь, только бы не показаться слабой. За что он так со мной? Даже отказать можно было корректнее. А не словно я пустое место.

Закрыв лицо руками, я выбежала из кабинета и упала в чьи-то крепкие объятия. Я не очень-то разбираюсь в запахах,

но этот, окутавший меня, был приятен. Цитрус, оттененный цветочным ароматом. Фиалкой, что ли? Боже, о чем я думаю?

Выпутавшись из лап утешителя, я стремительно скрылась в туалете. Хорошо, что внутри никого не было. Эмоции так и рвались наружу, что, не заботясь о возможных последствиях, я дала им волю. Надрывные рыдания, однако, быстро сменились громкими всхлипами, а те – нервным скулежом, который тоже вскоре стих. Да что я в самом деле? Это не единственная компания в городе. Да, привыкла, да, мне здесь нравилось, но я легко найду замену.

Сплюнув остатки горечи в унитаз, я расправила плечи и покинула спасительную кабинку. Зеркало, посылая мне ехидный воздушный поцелуй, злорадно улыбалось. Раскрасневшееся лицо, опухшие глаза. По мне, было определено и ясно, насколько сильно я хотела здесь работать. Но увы, не всем. Что ж. А не пойти ли мне домой? Сидеть до пяти вечера смысла не было.

Надеюсь, обед еще не закончился, и свидетелями моего побега были немногие. Я приоткрыла дверь и выглянула в щелку. Черт. Уже бывшие коллеги столпились у кабинета директора. И тихо прошмыгнуть мимо вряд ли получится.

Но я сделала шаг... И остановилась как вкопанная.

Дверь Сергея Петровича была распахнута настежь, и оттуда доносились громкие голоса. Мужчины явно спорили.

– Мы с тобой это уже обсуждали. Выйди из кабинета и

закрой за собой дверь. А после я жду извинений.

– Ага, десять раз. Оставь Карину у нас. Ты же сам видишь, Санна не справляется, – возражал Денис.

– И что? На Карине свет клином не сошелся, найдем дру-
гую...

– В том-то и дело, что не сошелся, но ты этого не видишь.

– Выйди... – холодный стальной голос Сергея Петровича лезвием скользил по воздуху.

Денис стоял ко мне спиной, но я видела, как тяжело он дышал. Что он делает? Зачем?

– Тогда я тоже уйду. Заявление напишу позже, – и не дав сказать больше директору ни слова, он хлопнул дверью, что та чуть не слетела с петель. Взглядом Денис быстро нашел ошарашенную меня, схватил за руку и потащил к выходу. Я боялась дышать. Эффектный уход, однако.

Глава 14

Денис протащил меня через две улицы и продолжал бы это делать до сих пор, если бы я не выдернула руку и не остановилась. Ощущая всем телом его порывистые движения и скованные от напряжения мышцы, я только начала осознавать происходящее. И переживания из-за правильности его действий обрушилось на меня лавиной. Ладно я, мне терять нечего. Тем более Сергей Петрович обещал предоставить в институт характеристику. Можно сказать, я отделалась легким испугом и даже в чем-то выиграла. Кто знает, вдруг я и восстановиться успею. Но зачем Денису так себя подставлять?

– Что это сейчас было? – запыхавшись, спросила я.

– Не бери в голову, – сперва ошетинился он, но тут же улыбнулся. – Слегка перегнул, да?

Я почувствовала, как уголки губ поползли вверх и спустя секунду мы оба, не сдерживаясь, хохотали. Прохожие оборачивались на нас, и я почти уверена, что осуждающе вздыхали, но мне было все равно. И пусть я не совсем понимала, что вообще происходит, близость Дениса позволяла мне отодаться моменту. Меня уже не так расстраивало «увольнение» и отношение Сергея Петровича. Оно осталось где-то позади. И, надеюсь, навсегда.

Вытирая подступившие слезы, я украдкой глядела на Дениса. Он расслабленно стоял, прислонившись к стене. От былой злости и негодования не осталось следа. А глаза его, минуту назад светившиеся от веселья, продолжали светиться, однако из чистого, близкого к голубому, серого вдруг превратились в дымчато-черный, заставив меня вздрогнуть. И снова эти колебания эмоций. Отчего-то мне стало холодно, хотя вокруг стоял жгучий зной, что даже пришлось обнять себя за плечи, отводя взгляд. Ну не могла я бороться с чувством, что меня просвечивают рентгеновскими лучами. А Денис, казалось, этого не замечал. Он стоял неподвижно с непроницаемым лицом, пристально разглядывая мой профиль. Я и забыла, как глубоко умею дышать, делая короткие вдохи, лишь бы грудь не трепетала, когда он неожиданно ожил, и что было несвойственно ему, бешено затараторил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.